

УДК 821.161.1(Бунин И. А.). ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,2.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.08 (5.9.3)

ВОСПРИЯТИЕ БУНИНА ПОСЛЕ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ

Петкова Г.

Софийский университет «Св. Климент Охридский» (София, Болгария)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1002-5183>

А н н о т а ц и я. Во второй части работы рассмотрен период, начавшийся с присуждения И. А. Бунину Нобелевской премии в 1933 г. и ставший своеобразной кульминацией рецензий и отзывов о писателе. В этот третий хронологический отрезок напечатаны 44 публикации, показавшие расширение интереса к Бунину и подтвердившие его значение для болгарской культурной памяти. Все представленные критические тексты (1903–1943) не только вводят в научный оборот неизвестный источниковедческий материал, но их поступательность и количественное нарастание во времени раскрывают рецепцию Бунина как многоаспектный процесс. В результате нобелевский лауреат превратился из малоизвестного писателя в читаемого и интерпретируемого в Болгарии русского автора. Весь массив отзывов, рецензий, докладов, научных сообщений можно упорядочить в единый, но далеко не однородный сюжет, состоящий из нескольких параллельных линий, за которыми проступают различные тенденции. Обозначенные как эстетическая (литературоведческая), славянофильская и социологическая, они корреспондируют с предложенными Цветаном Тодоровым теоретическими «курсами» восприятия «другого»: «любить», «отождествляться» и «познавать». Эстетическая критика пытается непрерывно познать, славянофилы любят и отождествляются положительно, а для социологической критики Бунин однозначно плохой, его не любят и не принимают его ценности. В качестве самостоятельного русла выделяются публикации статей эмигрантских литераторов в переводе на болгарский язык. Эта переводная критика способствовала усвоению болгарским буниноведением не хватающего ему метаязыка и постижению принципов художественного мира писателя, т. е. утверждала доминацию эстетической тенденции. Русская эмигрантская рецепция в Болгарии тоже была неоднородной, она вбирала в себя мемуарный, историософский и литературоведческий пласты. Именно эстетическая призма объединяла болгароязычную и русскоязычную рецепции и мотивировала включение Бунина в список «образцовых» (Я. Ассман) литературных авторитетов. Главная заслуга представленной критической рецепции Бунина заключается в создании и стабилизации в Болгарии национальной традиции изучения и преподавания русского писателя.

Ключевые слова: И. Бунин; буниноведение; критическая рецепция; переводная критическая рецепция; литературный канон

Для цитирования: Петкова, Г. Восприятие Бунина после Нобелевской премии / Г. Петкова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 3. – С. 65–91.

BUNIN'S RECEPTION AFTER THE NOBEL PRIZE

Galina Petkova

Sofia University “St. Kliment Ohridski” (Sofia, Bulgaria)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1002-5183>

Abstract. The second part of the article investigates the period after Bunin's Nobel Prize for literature in 1933, remarkable for a peak of critical attention to the author. 44 reviews were published at this stage – they demonstrate the widening of the interest in Bunin and confirm his significance for the Bulgarian cultural memory. All critical texts (1903–1943) presented in the article introduce previously unknown source material into scholarly circulation, and its growing volume and versatility reveal Bunin's reception as a multifaceted process. As a result, the Nobel laureate – a “little-known minor author” – turned into a writer, who was widely read and interpreted in Bulgaria. All reviews, reports and scholarly papers can be arranged in a single, but not homogeneous plot, consisting of several parallel lines, behind which one can see different trends. The approaches indicated as aesthetic (dealing with literary studies), Slavophile and sociological correspond to the theoretical “aspects” in the reception of the “other”, proposed by Tzvetan Todorov: “to love”, “to identify with” and “to explore”. Aesthetic criticism tries to keep on exploring, Slavophiles love and are identified positively, while sociological criticism does not accept Bunin's values and gives him a negative evaluation. The articles written by literary critics in emigration, pub-

lished in translation into Bulgarian, are examined separately. This criticism of translations contributes to the development of Bulgarian Bunin studies and to assimilation of a missing metalanguage, i.e. it affirms the dominance of the aesthetic tendency. The reception of Russian emigrant's literary criticism in Bulgaria is also not homogeneous and includes a memoir, historiographical and literary layer. It is the aesthetic prism that unites reception in the Bulgarian and Russian languages and motivates literary scholars to include Bunin in the list of „normative” (J. Assman) literary authorities. The chief contribution of the critical reception of Bunin presented in this article lies in the creation and stabilization of the national tradition in studying and teaching the Russian writer in Bulgaria.

Key words: Bunin; Bunin studies; critical reception; critical reception in translation; literary canon

For citation: Petkova, G. (2023). Bunin's Reception after the Nobel Prize. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 3, pp. 65–91.

3. «Бунин увенчан» 1933–1943

Своеобразной кульминацией публикаций о Бунине, но и импульсом для популяризации его творчества и углубления его рецепции в Болгарии стало присуждение ему Нобелевской премии в 1933 г., широко отраженное во многих журналах и газетах.

В ежедневниках массово появляются информационные сообщения или краткие статьи, извещающие о том, что Шведская академия наук удостоила Нобелевской премии по литературе русского писателя И. А. Бунина [Дунайская трибуна (Дунавска трибуна) 1933; Славянский календарь (Славянски календар) 1935: 54]. Эти сообщения могут быть дополнены 1) биографической справкой; 2) заглавиями произведений или книг и полученными наградами до революции [Победа {Пловдив} 1933; Бойчева 1933; Симеонов 1933; Бадев 1933; Борьба 1933]; 3) перечнем заглавий эмигрантских произведений Бунина [Д. С. Ц. 1933; Обзор 1933], в том числе изданных в переводе на французский, немецкий, английский и др. языки [Бойчева 1933]; 4) информацией о жизни Бунина – «хорошо известного и у нас русского писателя» – в Париже [Колокол (Камбана) 1934] и о личном получении Нобелевской премии в Стокгольме [Славянский календарь 1935: 77]. Дополнением к этим пунктам могут стать сведения о здоровье и материальном положении Бунина, когда Нобелевская премия рассматривается не только как «отличие», но и как «спасение из бедственного положения» [Симеонов 1933]. Возможна и концептуализация творчества: 1) как прозаик Бунин развивался под влиянием Тургенева, впоследствии примкнул к «новой школе неореалистов», которая «противостоит классической ли-

нии в литературе» [Симеонов 1933]; 2) в бунинских сюжетах, повествовании и стиле видно «счастливое сочетание тихой романтики Тургенева с мрачным реализмом Чехова» [Бадев 1933].

В статье «**Нобелевская премия Ивана Бунина**» литературного критика и публициста **Йордана Бадева** (1888–1944) [Бадев 1933], опубликованной в газете «**Заря**» [«Зора»], кроме общих мест, перечисленных выше, обсуждаются причины, по которым Бунин был «вынужден покинуть родную землю»¹: «нивелирующая большевистская революция» и «отсутствие возможности для свободного проявления художественного вдохновения». В изгнание Бунин увез с собой единственный «надежный» капитал, а именно «капитал своего большого таланта», но и «мучительное сомнение», найдутся ли на чужбине благоприятные условия для его реализации. Критик упоминает и Болгарию, где Бунин оказался «на трудном пути бегства» и нашел «настоящее уважение к своему литературному делу и непринужденное братское сочувствие к своей скитальческой судьбе». Писатель, однако, «рассудил», что внимание и сочувствие вряд ли смогут «поддержать его духовное и моральное существование в эмиграции», и «продолжил свой путь на запад – во Францию, где остановился окончательно». Й. Бадев поднимает вопрос и о читателе Бунина и подчеркивает, что рассказы и повести писателя «жадно читались» в России и за границей – «преимущественно в славянских странах».

Тема читателя проблематизируется и в другой из цитированных выше публикаций,

¹ Здесь и далее все цитаты из статьи Й. Бадева приводятся по: [Бадев 1933].

в которой отмечается, что с точки зрения «широкой публики» в Болгарии награждение Бунина «неожиданно», так как он ей «мало известен» [Обзор 1933]. Поэтому Нобелевская премия станет «поводом для популяризации его творчества» [Там же].

Издания, опубликовавшие перечисленные отклики на награждение Бунина, выходили в разных городах – Софии, Пловдиве, Русе. Очевидно, и столица, и провинция интересовались нобелевским лауреатом, при этом как-то связанным с Болгарией. Для этого информационного массива характерен доброжелательный и симпатизирующий тон авторов.

Авторитетный иллюстрированный еженедельник для литературы, искусства и общественных вопросов **«Литературный голос»** [«Литературен глас»], посвятив Ивану Бунину свой номер от **26 ноября 1933 г.** Этот юбилейный номер можно считать институциональным словом профессиональной гильдии литераторов. В газете были напечатаны статьи болгарских критиков и русских эмигрантов. Две из них – критика **Александра Дзивгова «Знаменитый русский писатель получил Нобелевскую премию»** [Дзивгов 1933а] и русского эмигрантского журналиста и писателя **Георгия (Юрия) Рапопорта (1893–1972) «Гений Бунина»** [Рапопорт 1933а] – были републикованы в переводе на русский язык в издаваемой в Софии эмигрантской газете **«Голос»**, приурочившей свой номер от **14 декабря 1933 г.** к Нобелевской премии И. Бунина. Статья Дзивгова в «Голосе» была напечатана под заглавием **«Бунин и западная литература»**, а Ю. Рапопорта – под своим первым заглавием **«Гений Бунина»**. Изложение этих статей ниже следует их русскоязычному варианту в эмигрантской газете **«Голос»**¹.

Бунинский массив текстов в «Литературном голосе» открывает статья А. Дзивгова **«Знаменитый русский писатель получил Нобелевскую премию»** [Дзивгов 1933а], предлагающая творческий портрет писателя. В ее начале автор цитирует слова шведского писателя и литературоведа Альфреда Иенсена, не «жалевшего свои усилия», что-

бы болгарский кандидат на Нобеля, поэт Пенчо Славейков (1866–1912), был удостоен² «лавровым стокгольмским венцом»³. К сожалению, это награждение не состоялось из-за неожиданной кончины поэта. После этого Иенсен заново стал «убеждать» Шведскую академию, чтобы та решила «обратиться к славянскому солнцу», на этот раз – к Бунину. Дзивгов подчеркивает, что увенчание Бунина «не является торжеством только русской литературы», но имеет важный культурно-исторический и эстетико-философский смысл. В лице Бунина проявляется «универсальность» русской культуры, а его литературное дело отличается «внутренней стройностью и художественным единством, артистической умеренностью и гармонией». Бунин равнодушен ко всяким внешним эффектам и преувеличениям, потому что ему чужда всякая поза. Он враг литературности, поскольку преисполнен художественной уравновешенности и подлинной творческой мудрости. Бунин обладает «редкостной артистической интеллигентностью», которая проявляется в исключительной художественной «самоконцентрации». Дзивгов защищает тезис, что культура Бунина «не приобретена трудом, а врожденна», а сам писатель – «самородный культурный дух чистой пробы, вспоенный вечными соками родной земли», откуда он получил «свою ясность и блеск».

По мнению критика, Бунин «сразу родился художественно зрелым для литературы». Именно эта зрелость сделала его «чуждым» своему времени, исполненному «художественного беспокойства и поисков». В отличие от своих современников он «не объяснял себя, потому что был ясен, как солнце». Но подобно тому, как солнце «восходит до своего зенита», в творческом пути Бунина есть постоянный «восход», а зенит его солнца – роман «Жизнь Арсеньева».

Дзивгов придерживается мнения, что русская критика до сих пор оставалась

¹ В этом случае в ссылке при цитировании после указания года фигурирует индекс «b».

² А. Иенсен номинировал П. Славейкова на Нобелевскую премию по литературе 30 января 1912 г. Из-за преждевременной смерти Славейкова 28.05.1912 г. предложение не было рассмотрено Нобелевским комитетом.

³ Здесь и далее все цитаты из статьи А. Дзивгова приводятся по русскоязычному тексту: [Дзивгов 1933b].

«бессильной», пытаюсь проникнуть в «тайну творчества Бунина». И во времена, когда писатель становится «мировым достоянием», критика должна положить усилия, чтобы «подняться на его творческие высоты». На западе, где Бунина так мало знают, его совершенство «вызовет изумление». В Бунине увидят то, что нашли у Пушкина, а именно – «олицетворение литературного классицизма», что означает – и Дзвивгов приводит слова Андре Жида – «триумф порядка и меры над внутренним романтизмом». Бунин обладает неповторимым литературным вкусом, создает вполне автономное искусство, свободное от психологизма, от власти фавулы и даже от его реальной первоосновы. Совершенство его языка превращает его в «твердую русскую духовную державу, для которой нет духовных границ». И этим совершенством Бунин добивается «универсальной значимости».

В статье приводятся параллели между творчеством Бунина и Анатоля Франса, Поля Валери, Поля Бурже, Андре Жида, Томаса Манна, Джеймса Джойса, Габриэля д'Аннунцио. В заключение Дзвивгов обобщает, что на фоне хаоса современности Бунин является «законченным культурным синтезом».

Вторая статья – «Поэзия Ивана Бунина» литературного историка и критика **Руси Русева** (1900–1988) – полностью сфокусирована на Бунине-поэте [Русев 1933]. Именно как поэт Бунин стоит «намного выше, чем считалось»¹ в России или в Болгарии. Главное основание его поэзии, по мнению Русева, – это «воссоздавать мир в его предметности и в его внешнем многообразии». Бунин воспроизводит форму и цвет предметов и вещей с такой же «систематической тщательностью», с какой это делают художники. Поэзию Бунина можно назвать «импрессионистической», так как ее тенденции совпадают с тенденциями импрессионизма. Критик приводит ряд примеров, доказывающих ее «совершенство». И если главные тенденции современной поэзии сводятся к сложности и эксперименту, то поэзия Бунина «другая», это «поэзия чистой описательности», к которой читатели не должны терять интерес.

¹ Здесь и далее все цитаты из статьи Р. Русева приводятся по: [Русев 1933].

На третьей странице газеты напечатаны статьи русских эмигрантов – писателя Б. Зайцева и проф. П. Бицилли. Статья **Бориса Зайцева «Бунин увенчан»** [Зайцев 1933] совпадает частично с последней частью речи, произнесенной им на чествовании Бунина в Париже 26 ноября 1933 г. и напечатанной в газете «Возрождение» 28 ноября 1933 г. Если учесть, что номер «Литературного голоса» вышел 26 ноября, можно предположить, что опубликованный текст подготовлен именно для болгарской газеты. В нем писатель, используя инклюзивные конструкции («мы знаем», «наша литература», «наш праздник»²), говорит от имени русских эмигрантов в несколько приподнятом тоне и пытается представить болгарскому читателю их точку зрения на награждение Бунина, в лице которого «увенчана» русская литература. Так, «безотечественный» Иван Бунин несет тяжесть лавров России, «родившей его родины». Для русских эмигрантов это настоящий праздник, «первый после стольких лет унижений и бед», который выходит за рамки литературы и перешагивает ее границы. Он «озаряет жизнь» эмигрантов, придавая ей «бодрость и веру», сохраняет «надежду на справедливость» и упование, что «Россия на забыта». Абсолютный конец статьи почти повторяет патетический финал речи Б. Зайцева: «С волнением и радостью преподносим победителю поздравления и восторг».

Рядом с текстом Б. Зайцева опубликована статья **П. Бицилли «Бунин как художник»** [Бицилли 1933а]. В ней Бицилли, опираясь на характерный для него инструментарий сравнительного анализа, выявляет «близость» и «отталкивания»³ между Буниным и его предшественниками в русской литературе. С Л. Толстым Бунина роднит «зоркость взгляда», неприятие всякой лжи и фальши, «страстная ненависть» ко всем условностям, общим местам, влечение к «простому», что не исключает «тонкую, но всегда скрытую художественную обработку», страстная любовь к жизни и «ненависть к смерти», а не «страх перед

² Здесь и далее все цитаты из статьи Б. Зайцева приводятся по: [Зайцев 1933].

³ Здесь и далее все цитаты из статьи П. Бицилли приводятся по: [Бицилли 1933а].

ней», как у Тургенева. Бунину, однако, чужд толстовский морализм и основанный на нем толстовский деизм, он не создал, подобно Толстому, «собственного Бога». С другой стороны, отмечает Бицилли, не видеть «религиозный план» творений Бунина – значит не понимать его, так как всякое истинное искусство сознательно или бессознательно «религиозно в своей основе». Религиозность Бунина «не рассуждающая», а «эмоциональная», она определяется, как у Пушкина, его любовью к жизни, проявляющейся в благоговении перед разлитой в мире красотой. Восприимчивость к красоте Космоса раскрывается у Бунина через «словесное живописание». Подобно Тургеневу, Бунин – «великий мастер пейзажа», он тоже, воплощая свое «лирическое волнение», писал стихи и стал «лириком в повествовательной прозе». Бунину удалось совместить в органическом единстве две стихии – романтическую (или лирическую) и реалистическую (или эпическую), разрешив тем самым задачу, которую не смог разрешить Тургенев. Профессор останавливается на функции пейзажа у Тургенева, Толстого, Достоевского и Чехова. В творчестве Бунина прослеживается устойчивая тенденция «раскрывать человеческое, внутреннее, духовное» с помощью «внешнего», когда писатель находит выразительные средства, «безошибочно соответствующие» душевным движениям. Начало творческого пути Бунина совпало с расцветом символизма, но он относился «враждебно» к этому течению. Он не доверял «методу символизма», который от звуковой формы слова шел к раскрытию смысловых связей между вещами. Для Бунина, полагает Бицилли, характерен другой метод, сближающий русского писателя с Леонардо да Винчи и Гете. Это «метод интуиции», который предполагает внимательно всматриваться в сами вещи, чтобы найти «анalogии между ними, недоступные поверхностному взгляду». Искусство никогда не было для Бунина «самоцелью», заключает Бицилли, а «средством для целостного понимания жизни».

Напечатанная на следующей, четвертой, странице статья **Стилияна Чилингирова «Иван Алексеевич Бунин в Софии»** [Чилингиров 1933] меняет ракурс и предла-

гает зафиксированную глазами очевидца своеобразную хронику дней и контактов русского писателя во время его пребывания в болгарской столице. Чилингиров отмечает важный для рецепции писателя факт, что в Болгарии первоначально Бунин не был широко популярен, но постепенно его имя становилось известным, и его уже знали «задолго до его приезда в Болгарию»¹. В эмигрантском потоке после «революционного переворота» в России он оказался в Константинополе, а потом нашел «прибежище у нас», вероятно «по приглашению своих задушевных друзей» писателя А. М. Федорова и художника П. А. Нилуца. В Софию Бунин приехал во второй половине февраля 1920 г., и его приезд сразу стал известен в интеллигентских кругах. Чилингиров, переведивший произведения Бунина на болгарский язык, захотел лично познакомиться с ним и пригласил писателя в свой дом. Он подробно рассказывает об этой встрече, как и о многих других, в результате которых Бунин «сам» убедился, что его книги хранятся в домашних библиотеках не только писателей, но и обыкновенных болгар. Более того, на полках этих библиотек он увидел оригинальные собрания Толстого, Чехова, Пушкина, Лермонтова, первые издания «Записок охотника» Тургенева и стихотворений Ф. Тютчева. Под впечатлением увиденного Бунин воскликнул, что «здесь» (вероятно, в Софии, Болгарии – Г. П.) «мы» (он / русские эмигранты – Г. П.) «как дома». Чилингиров описывает многочисленные разговоры о распространении русской литературы в Болгарии, проходившие обычно в болгарских корчмах или в гостях, за домашним застольем. Во время этих дискуссий Бунин говорил с удивлением, что «не ожидал» «такой осведомленности» в русской литературе со стороны болгарской интеллигенции. «Пиршественные вечера»² иногда

¹ Здесь и далее все цитаты из статьи С. Чилингирова приводятся по: [Чилингиров 1933].

² Использую слова Чилингирова, который пишет в статье о «нашем пиршестве, длившемся до четырех утра» накануне дня злополучного выступления П. Риса. В русской эмигрантской периодике сообщается другая дата: П. Рис должен был выступить 3-го марта в

приводили к опозданиям, что в ситуации 1 марта, когда в театре «Одеон» произошел взрыв во время выступления эмигрантского публициста П. Риса, «спасло» Бунину жизнь¹.

Чилингиоров делится и подробностями эмигрантского быта семьи Буниных в гостинице «Континенталь», превратившейся в своеобразный «русский дом» в Софии. Он знакомит читателя с нашумевшим случаем кражи всех ценностей Буниных и части его юбилейных подарков на большую сумму денег. Автор признается, что «вздыхнул с облегчением», когда узнал, что «вор» не болгарин. По поводу избрания Бунина профессором, которое исполнило его «восторгом и умилением», критик сообщает, что у писателя «не было университетского образования, но он имел право на этот пост в качестве академика». В объяснениях Чилингиорова Бунин не занял кафедру, так как его «творческий импульс подтолкнул его уехать в Париж». Бунин вспомнил о ней «лишь» в 1932 г., оказавшись «в бедственном положении», но «уже было поздно», так как финансовый кризис сделал невозможным все «ходатайства по этому поводу». Мне не удалось найти информацию, в какой форме в 1932 г. Бунин выразил свой интерес к профессорской должности. Но факт материальной поддержки Бунину в неблагоприятное для него время отметит и председатель Славянского общества Болгарии Никола Бобчев в своей статье о Нобелевской премии, которая представлена ниже.

В заключение Чилингиоров отмечает, что писатель, будучи «профессором» в Софии, вряд ли бы стал лауреатом Нобелевского комитета и не «принес бы гордость всему славянству». Своим творчеством Бунин стал известной фигурой, которой «будет гордиться не только Россия, но и весь славянский мир».

На пятой странице следует статья историка **Маньо Стоянова** (1903–1986) «**Бунин и русские крестьяне**» [Стоянов 1933а]. Ее основная мысль состоит в том, что в своем творчестве Бунин «пытается разгадать

жизнь русских крестьян»². Дворянин и интеллигент, он следует, по мнению критика, заветам пушкинского реализма и органически продолжил основные мотивы Лермонтова-прозаика, Тургенева, С.-Щедрина, Аксакова, Л. Толстого. Бунин – «последний классик» русской литературы, который «глубоко связан со своим народом, русским бытом и крестьянством». С точки зрения Стоянова, писатель в своих произведениях видит «только отрицательные стороны деревенской жизни» и как бы потерял «уверенность в завтрашнем дне». «Кающийся дворянин», Бунин близок своему народу, но «лишен его жизненной веры и силы» и раскрывает страдание, преступление и грех как «ведущие черты» в образах крестьян. «Темные и тяжелые» картины деревенской жизни, которые он рисует, создают угнетающее впечатление: безмерный эгоизм между родственниками, страшная жестокость и подлость, физические пороки и душевное омерзение характеризуют его крестьян. Однако мало красоты и силы Бунин видит и в дворянском прошлом России, и, хотя он всматривается в историю разрушенного дворянского гнезда, он это делает без желания его «воскресить». Писатель предпочитает его «темную картину» «бурному стремлению к завтрашнему дню». Несмотря на то, что его деревенские сцены лишены света, несомненен огромный поэтический талант Бунина, проявляющийся как в поэзии, так и в прозе, столь же поэтичной, как и его стихи. В финале статьи М. Стоянов упоминает, но без какой-либо ссылки: «признание советских критиков» в том, что место Бунина как писателя «весьма значительно». Автор заключает, что после получения Нобелевской премии Бунин не только займет заслуженное место среди мировых имен, но и даст хороший повод для вполне заслуженной высокой оценки русской и вообще славянских литератур.

Рядом с текстом Стоянова расположена статья журналиста и главного редактора наиболее авторитетной в то время в Болгарии эмигрантской газеты «Голос» **Глеба Волошина** (1892–1937) «**Проза, поэзия и вдохновение у Бунина**» [Волошин 1933]. В ней концептуализируется неделимость

театре «Одеон» с беседой на тему: «Старая и новая Россия» [Петкова 2020: 340].

¹ Чилингиоров цитирует слова Бунина: «пьянство иногда спасает жизнь» [Чилингиоров 1933].

² Здесь и далее все цитаты из статьи М. Стоянова приводятся по: [Стоянов 1933а].

творчества Бунина на поэзию и прозу, поскольку художник – «единая личность»¹. Задача критики состоит в том, чтобы выяснять причину, почему «единое художественное мировоззрение» выбирает поэтическую или прозаическую форму. Ключ к творчеству Бунина, по мнению Волошина, скрывается в «синоптичности» его прозы и поэзии. Автор указывает на совпадения поэзии Бунина (стихотворение «Бледнеет ночь. Туманов пелена...») и прозы Л. Толстого («Холстомер»). Он находит также параллельные мотивы между бунинской прозой и поэзией (например, стихотворение «Не видно птиц...» и рассказ «Антоновские яблоки»). Подобные параллели показывают, что Бунин непрерывно себя «проверяет», поэт «учится» у прозаика и наоборот, заимствуя у себя отдельные фразы, описания пейзажа, эпитеты, композиционные формы. Для него нет разницы между прозой и поэзией, так как обе они являются «ключом к таинственным иероглифам мироздания». Эти «самоповторения» говорят о глубине его художественных стремлений показать мир явлений посредством чувственных восприятий. Бунин – художник-созерцатель, он не любит фавулу и «беспо-

щаден ко всему временному и суетному». С точки зрения Волошина, в русской литературе нет другого такого «несовременного художника». Бунин прошел мимо всех литературных течений в России, долго оставаясь одиноким, чтобы достичь в своем искусстве той степени совершенства, которая доступна только гениальным художникам. Вслед за Пушкиным, Гоголем, Тургеневым, Достоевским, Толстым и Чеховым Бунин, бесспорно, встает в ряд «великих русских писателей».

В Софии Глеб Волошин участвовал в различных литературных проектах эмиграции, он принадлежал к небольшому «кругу Бицилли» [Петкова 2017: 142], вполне возможно, что его идеи о «синоптичности» и взаимном проникновении прозы и поэзии Бунина обсуждались с П. М. Бицилли в контексте интереса последнего к различным «параллелизациям» культурных фактов и текстуальным «совпадениям и заимствованиям» [Петкова 2017: 74].

В рамках статьи Г. Волошина опубликован гравюрный портрет И. Бунина², выполненный сыном писателя А. М. Федорова, художником Виктором Александровичем Федоровым (1897–1948).

² Никаких подробностей по поводу создания этой гравюры Виктором Федоровым мне не удалось найти.

¹ Здесь и далее все цитаты из статьи Г. Волошина приводятся по: [Волошин 1933].

«Литературен глас», 1933, № 210, с. 5.

Надпись на болгарском языке: Рисунок В. А. Федорова Иван Бунин

Последней в газете, на седьмой странице, напечатана статья **Георгия Рапопорта «Гений Бунина»** [Рапопорт 1933а], которая опубликована и на русском языке в эмигрантской газете «Голос» [Рапопорт 1933б]. Работа написана в эссеистском ключе. Ее автор пытается выяснить, что означает «мировое признание»¹, которое проявилось в присуждении Нобелевской премии русскому писателю. Рапопорт перечисляет скорее общеизвестное: что в произведениях Бунина «менее всего занимательности», нет «горячей фабулы», «жгучих вопросов». Бунин не является «захватывающим» автором в обычном смысле слова, он «медлителен и прохладен», «не философствует, не рассуждает, не решает проблем», однако «из разных уголков его писаний веют метафизические ветерки». Другая особенность Бунина заключается в том, что он совершенно «лишен свойств», приписываемых обычно заграничной русской литературе. Он не носит в себе «гениальную способность к разрушению», «яд Гоголя, Толстого и Достоевского», который дошел до западноевропейского читателя и «искажает образ России». Автор статьи настаивает, что для русской литературной традиции не менее характерно и другое начало, противостоящее этому «яду», и это Пушкин, «почти неизвестный иностранцам». Рапопорт отмечает, вполне возможно в рамках *куртуазного* словесного жеста, что «может быть, единственная страна вне России, где Пушкина знают, это Болгария». Никто в русской литературе от Гоголя до Блока, заключает он, не является в такой полной мере наследником пушкинских духовных начал, как Бунин, но нигде не комментирует, в чем эти «начала» выражаются. Таким образом, поклоняясь Бунину, мир чувствует неизвестного ему Пушкина, т. е. «духовную сердцевину русской культуры».

Рядом со статьей Рапопорта расположен редакционный материал **без подписи «Европейская печать и Бунин»** [Литературный голос 1933], в котором предлагается краткий обзор публикаций о Буине и его творчестве в немецкой, французской и английской периодике, раскрывающих точку

зрения «западных людей». Таким образом, «Литературный голос» не только проинформировал всесторонне свою аудиторию о нобелевском лауреате, но и предложил заинтересованному читателю концепции и интерпретации творчества Бунина, в том числе сквозь призму болгарского и русского эмигрантского культурного сознания.

В своеобразный диалог с «Литературным голосом», отдавая дань уважения таланту писателя, вступила эмигрантская газета «Голос», которая включила в свой номер (467) от **14 декабря 1933 г.** несколько публикаций, посвященных Бунину. Две из статей были русскоязычными вариантами уже опубликованных в «Литературном голосе» от 26 ноября 1933 г. статей. Только здесь они поменяли свои места по сравнению с болгарским изданием, очевидно, в зависимости от их смысловых приоритетов: в «Голосе» на первой странице фигурирует работа **Ю. Рапопорта «Гений Бунина»** [Рапопорт 1933б], а статья **А. Дзивгова «Бунин и западная литература»** занимает вторую страницу [Дзивгов 1933б]. На первой странице газеты также, под большим портретом Бунина, напечатан сонет **И. Северянина «Бунину»**. На второй странице под заглавием **«И. А. Бунин»** опубликована речь, которую писатель **А. М. Федоров** произнес на собрании Общества русских писателей и журналистов в Болгарии, устроенном 3 декабря 1933 г. [Федоров 1933]. Стиль текста довольно эмоционален и импрессионистичен, его главный смысл заключается в том, что «Бунин – светлое оправдание русской эмиграции», а «день торжества» Бунина является вместе с тем и «днем всеобщего беженского торжества»². Специфика творческого почерка Бунина, по Федорову, состоит в том, что как художник он всегда «воспринимает» и «запечатлевает» в себе «не общие черты, а мелочи, оживляющие образ». Художественная память Бунина «громадна, честна и правдива». Далее публикация воспроизводит воспоминания Федорова об его и Бунина участии в литературном вечере издательства «Шиповник», которые были напечатаны 10 лет назад, в 1923 г., в «Балканском журнале». Окончание воспоминаний напечатано в

¹ Здесь и далее все цитаты из статьи, подписанной в русском варианте с «Ю. Рапопорт», приводятся по русскоязычному тексту: [Рапопорт 1933б].

² Здесь и далее все цитаты из опубликованной речи А. Федорова приводятся по: [Федоров 1933].

следующем – 468-м – номере «Голоса».

В большой работе **П. Бицилли «Творчество Бунина»** [Бицилли 1933b], расположенной на двух газетных страницах, предпринята попытка охарактеризовать творчество Бунина, при этом автор прибегает к сравнениям его текстов не только с литературными произведениями (например, тема «смерти от любви» в «Ромео и Джульетте» Шекспира и «Сыне» и «Деле корнета Елагина» Бунина), но и музыкальными¹. В лучших бунинских произведениях повествование распадается на ряд эпизодов, каждый из которых «обладает своей динамикой», является «развитием какой-то темы» в музыкальном смысле, мелодии, звучащей все «страстнее» и «патетичнее» и завершается финалом, где это напряжение «достигает такой степени, что «мы уже требуем конечного аккорда последнего вздоха». Профессор регистрирует «сходства» Бунина с композиторами музыкального романтизма: если стилистически Бунин ближе всего к Шуману, то его «тематика» постоянно заставляет вспоминать о Вагнере, прежде всего о «Тристане и Изольде»². Вагнеровско-бунинская тема – это «смерть от любви», а не «от любовной неудачи». Она сама выражает то, что лежит в основе романтического мироощущения и мирозерцания. Далее Бицилли поясняет, в чем заключается это жизнеощущение: оно складывается из двух взаимозависимых и противоположающихся элементов: переживания жизни как единства, «Всебытия», стремления слиться с этим «Всебытием», Всеединным, и, с другой стороны, острого, повышенного ощущения своей самости, индивидуальности, следовательно, ограниченности в пространстве и времени, подвластности смерти, которая тем «безусловнее», чем более развито в живом существе личное начало. В реконструкции Бицилли, Бунину кажется «непонятным», что его жизнь когда-то началась и когда-то кончится. Поэтому приобщиться ко всему любовью значит во всей полноте «осуше-

стить себя». Трагедия романтического человека, однако, заключается в том, что его «Я» этому препятствует. Для своих наблюдений Бицилли ссылается на «Цикады» и «Жизнь Арсеньева». Художник, бесильный преодолеть свою «отъединенность» от данного ему мира, создает свой собственный мир, гармония которого уже не нарушается присутствием существа, лишенного ее. Стремлением выразить эту «гармонию, прозреваемую в реальном мире», определяется творческий метод Бунина, «состоявший в открытии соответствий, “симпатий” между вещами соответствий». Эти «соответствия» переживаются столь непосредственно, что в речи Бунина начинают отсутствовать сравнения, которые предполагают раздельное восприятие вещей и их элементов, его речь становится «сплошь метафоричной». Бицилли цитирует слова Бунина о своей обреченности искусству: «Вечный крест мой». Совершенство в искусстве всегда обусловлено тяготением к чему-то высшему, что лежит уже за пределами художественного созерцания и прозрения, к тому, что зовется Абсолютным Богом. Искусство для истинного художника не самоцель, но лишь метод, т. е. путь к высшим степеням развития духа. Высочайшая степень – это святость, не «исчезновение», но слияние со «Всебытием». Для романтика она недоступна, а «наше время», считает Бицилли, не знает святых. Но во все времена людям был открыт другой путь к «преодолению» своей ограниченности и самости. Это путь мудрости и просветления нравственного сознания, «единения» в сочувствии, сострадания к чужой, такой же, как и собственная, слабости, ограниченности, конечности. Поэтому, обобщает профессор, истинное искусство в своей основе «всегда религиозно», т. е. «оно служит тому, что выше искусства». Ему, продолжает Бицилли, противостоят «публицистическое» искусство, «которое служит тому, что ниже его»; «чистое» искусство, «которое служит себе самому»; и «магическое» искусство, «которое служит призракам утратившего Бога сознания». В русской литературе после Чехова единственно Бунину не приходилось «преодолевать эти соблазны», так как он шел путем классиков русской литературы,

¹ Здесь и далее цитаты из статьи П. Бицилли до следующей сноски, уточняющей страницу, приводятся по: [Бицилли 1933b: 2].

² Здесь и далее цитаты из статьи П. Бицилли до ее конца приводятся по: [Бицилли 1933b: 3].

продолжая их дело «служения посредством искусства объективному Духу».

Текст Бицилли отличается от его статьи, опубликованной на болгарском языке в «Литературном голосе». В нем автор обращается не только к русскому эмигрантскому или болгароязычному читателю, но и к читателю-профессионалу, концептуализируя творчество Бунина вне патетики ряда публикаций.

К литературному читателю обращена и статья критика **Малчо Николова «Бунин. По случаю его награждения Нобелевской премией»**. Она опубликована в литературно-критическом журнале «Златорог» за 1933 г. [Николов 1933]. В ней¹ критик мотивировал награждение писателя его вкладом в русскую и в мировую литературу, а не «гуманными соображениями» [Николов 1933: 457]. Он предлагает краткий обзор восприятия Бунина в Болгарии, начиная с его первых рассказов и поэзии, которые с их «нежной меланхолией» были «весьма по сердцу» и болгарскому читателю [Там же]. Бунин, однако, непрерывно развивался, достиг «самых высоких вершин творческой мысли» в таких произведениях, как «Митина любовь» и «Жизнь Арсеньева», и занял «первое место среди живых русских писателей» [Там же]. Центральной категорией творчества Бунина, по оценке Николова, является его «художественный универсализм», когда «первичность личного, эгоцентрического начала» отступает на второй план, а акцент ставится на «сверхиндивидуальной мировой душе» [Николов 1933: 458]. Для Бунина характерно сочетание «необыкновенно острой восприимчивости» с «редкостным даром понимать» сложнейшие и тончайшие душевные движения и состояния. Николов отмечает новаторство Бунина в разработке темы любви, которая остается «неразгаданной» для самих героев [Николов 1933: 459]. Он останавливается на повести «Митина любовь», где представлена сложная психофизиоло-

гия юношеской любви, и впервые для болгарской рецепции предлагает возможность психоаналитического прочтения этого текста. В заключение Николов обобщает, что все достоинства бунинской прозы были высоко оценены не только русской, но и зарубежной критикой.

Подход к творчеству Бунина, соединяющий биографию поэта и тенденции его поэтики, выбрал писатель и драматург **Илия Волен** (1905–1982), опубликовавший статью «**Иван Алексеевич Бунин**» в «**Церковной газете**» [«Църковен вестник»] в номере от **16 декабря 1933 г.** [Волен 1933]. Во введении к статье автор рассказывает историю Нобелевской премии, перечисляет имена нобелевских лауреатов по литературе, упомянув, что болгарской литературе не удалось удостоиться этой премии из-за преждевременной кончины ее кандидата – поэта Пенчо Славейкова. В 1933 г. премия была присуждена И. Бунину. И. Волен принимает точку зрения «русского писательского мира», считавшего Бунина «наследником Л. Толстого»². Он останавливается на болгарском эпизоде в жизни Бунина, перечисляя уже известные факты: назначение профессором в Софийском университете по докладу Б. Пенева; кража драгоценностей в гостинице «Континенталь» и произошедший взрыв в театре «Одеон». Последние два события стали причиной отъезда писателя из Софии, так как, по словам его друга, А. М. Федорова, Бунин «был фаталистом». Далее автор статьи предлагает свой портрет Бунина, силу которого он видит «прежде всего в его большой беллетристике». Бунин пишет просто и ясно, как Толстой, любит точность и меру, для него характерна «аристократическая сдержанность художественных средств». В его творчестве русская душа показана во всей «сложности, глубине и трагичности». Как Толстой, Бунин срывает маски лжи и фальши, его крестьяне «эгоистичны и жестоки», а крестьянки «продажны». Подобное отношение Волен объясняет происхождением Бунина – «избалованного и хорошо воспитанного аристократа». Его творчество сильно религиозно, но его религиозность – «эмоциональная, не рассу-

¹ Подробное изложение и этой статьи М. Николова можно найти в публикации переписки И. Бунина и М. Николова в: Петкова Г. Т. «Знаю, что о вас нужно писать сдержанно и просто»: неизвестная переписка Ивана Бунина и болгарского литературного критика Малчо Николова // Филологический класс. 2020. Т. 25, № 2. С. 38–39.

² Здесь и далее все цитаты из статьи Илии Волена приводятся по: [Волен 1933: 530].

дающая», как часто бывает у Толстого и Достоевского. Бунин видит единство и гармонию в мире, любит красоту жизни и является одним из лучших пейзажистов в русской литературе. В своем творчестве он мастерски «соединяет восторг романтизма со сдержанностью реализма». В произведениях Бунина нет фабулы, нет злободневных вопросов современности. Он рассказывает только о сущности жизни и ее вечных началах. В большинстве случаев за героем Бунина скрывается сам писатель, поэтому часто встречаются личное местоимение «я» и конструкции типа «вспоминается мне». Его беллетристика, заключает автор статьи, является «беллетристикой будущего», когда «зрелому» читателю будут «безынтересны сентиментальность и фантазии».

Любопытной находкой среди публикаций 1933 г. является статья о Бунине в газете «Литературный мир» [«Литературен свят»], приложении к домашнему журналу «Экономия и хозяйство». Издатели этого дамского журнала стремились воспитать эстетику и европейский вкус у своих читательниц. В случае с публикацией материалов о Бунине в **третьем – декабрьском – номере за 1933 г.** они превзошли свои цели. На первой странице под заглавием «Иван Алексеевич Бунин (Новый лауреат Нобелевской премии по литературе – 1933)» напечатана в переводе на болгарский язык весьма апологетическая работа М. Слонима, характеризующая творчество Бунина [Слоним 1933]. В тексте не указано, с какого языка осуществлен перевод и кто его автор, а также не упомянут оригинал и где он напечатан. Сама статья изобилует сравнениями с французскими авторами Т. Готье, Шатобрианом, Лекантом де Лилем. Спецификой публикации является также перевод культурных реалий бунинского творчества: в нем говорится о «русском аристократе» и «вельможе», нигде не использовано принятое в болгарском языке словопотребление, означающее «дворянин» и определение «дворянский». Заглавие «Сны Чанга» переводится как «Мечты Чанга», а «Митина любовь» фигурирует как «Любовное таинство», калькирующее вариант заглавия «Митиной любви» на французском – «Таинство любви» («Le sacrement de l'amour», 1925). Все эти факты

дают основания думать, что перевод сделан с французского языка. А какую именно статью М. Слонима перевели с французского, для меня остается открытым вопросом. В центре статьи на газетной странице опубликована фотография Бунина, в надписи к которой указано, что это его «последний протрет», очевидно, по времени. Таким образом, в создании профиля писателя участвует и визуальный компонент.

Что узнает о Бунине болгарская домохозяйка в 1933 г.¹ Разговор о Бунине начинается с его «внешнего облика», который олицетворяет «тип русского аристократа»². Он «последний вельможа» в русской литературе, а его искусство связано с «плеядой» русских писателей XIX века, среди которых Тургенев и Толстой – «его учителя». Творчество Бунина «сохраняет аристократический характер» и занимает особое, изолированное место в русской литературе. Бунин не хотел быть «религиозным пророком» и «моральным вожатым своего поколения или целого человечества», к чему стремились русские писатели до него, он захотел «быть артистом». Он не ставил себе целью «разбудить человека и преобразить общество». Его задача была скромнее, но не легче, а именно «представить природу и жизнь, такими, какие они есть». За 40 лет творческого пути Бунин ни разу не сбился с него: его стихи, рассказы и «два романа» («Митина любовь» и «Жизнь Арсеньева») демонстрируют собой глубокое единство между вдохновением и стилем, характерное для великих писателей. Природа у Бунина – не декорация, на фоне которой раскрываются главные действующие лица. Для Бунина характерен пантеизм, определяющий понимание человека как «бесконечно маленькой частицы природы». В творчестве Бунина напрасно искать «героев», и, хотя все его образы очерчены с большой физи-

¹ Это не единственное дамское издание, опубликованное материал о Бунине. Удалось уточнить на основании библиографических описаний, что в номере 550 «Газеты для женщин» («Вестник за жената») за 1933 г. напечатаны по меньшей мере два материала о Бунине. Оказалось, однако, что именно этот номер в библиотеках пропал или отсутствует.

² Здесь и далее все цитаты из статьи М. Слонима приводятся по: [Слоним 1933].

ческой и психологической ясностью, они не образуют галерею описательных типов, как в романах Толстого и Достоевского. Беспощадный наблюдатель, Бунин повествует с «жестоким реализмом» о суетных волнениях и странностях человеческих существ, к которым он проявляет больше презрения, чем милости. Автор статьи называет Бунина «парнасцем», потому что за его ясным, сдержанным стилем, за безошибочным чувством ритма и композиции «скрывается глубокий пессимизм». Писатель думает неотступно о «тьме», в которую неизбежно погружается человеческая жизнь, и этим видением смерти исчерпывается вся его философия. Истории любви в его творчестве всегда кончаются трагедий, в них Бунин описывает не только разрушительную силу страдания, но и «первые сердечные движения», и «очарование любви, которое преображает мир». Бунин – бесспорный мастер русского языка, он смешивает народный язык с утонченными литературными фразами и умеет придать своему стилю музыкальность и гибкость, что очень трудно переводится на иностранный язык. Творчество Бунина – это «артистическое совершенство», резюмировавшее «целый век литературной культуры». Нобелевская комиссия, присудившая премию, увенчала не только большого писателя, но и целую эпоху, может быть, «уже ушедшую» – русской литературы.

После этой статьи, представившей Бунина, следует материал без подписи, вероятно от редакции, сообщающий о том, что Нобелевская премия впервые присуждена русскому писателю, и информирующий о чествованиях Бунина, организованных в Париже, предстоящих изданиях и переводах его произведений.

В 1933 г. появились и отзывы, которые не вписываются в общий благожелательный или нейтральный тон и отрицают литературные достоинства Бунина. Газета «Р.Л.Ф. Рабочий литературный фронт» [«Р.Л.Ф. Работнически литературен фронт»] в номере от 26 ноября 1933 г. опубликовала на первой странице статью без подписи, озаглавленную «Нобелевская премия присуждена белогвардейцу Бунину» [РЛФ 1933]. В ней перечислены имена всех кандидатов на Нобелевскую премию по литературе, но подчеркивается, что ее был удостоен «бело-

гвардейский писатель Иван Бунин»¹. И. Бунин оценивается как «незначительный» писатель, особенно по сравнению с «русскими советскими писателями», например, Горьким, Шолоховым, Панферовым, Серафимовичем. Автор статьи задается вопросом, почему премия присуждена Бунину, а не «представителю советской литературы», так как русская литература «вне советской сегодня не имеет никакого художественного значения». Этот тезис подкреплен цитатой из французской газеты «Юманите», которая сообщает, что Нобелевская премия «присуждена романисту-белогвардейцу И. Бунину». Далее приводится точка зрения «Юманите», которая, очевидно, является авторитетом для редакции, и с ней *совпадает* позиция болгарской газеты: в присуждении Нобелевской премии «остаткам мира, разбитого большевистской революцией» кроется что-то «комическое и дерзкое», а в то же самое время в СССР русская литература, «одухотворенная революцией и социалистическим строительством, расцветает великолепно».

По окончании цитаты из «Юманите» автор заключает, что премия «дается» не за литературные достижения, а по политическим соображениям, цель которых – «поддержать» белогвардейщину и «унизить» советскую литературу. Эта «политическая империалистическая игра» присуждающей академии настолько прозрачна, что не сможет никого ввести в заблуждение маской «объективности» и «чистого искусства».

Информационная и общественно-политическая газета Земледельческого союза в Болгарии «Победа» в номере от 27 ноября 1933 г. перепечатала из «Литературного голоса» статью М. Стоянова «Бунин и русские крестьяне», указав на первоисточник [Стоянов 1933b]. Нетрудно объяснить републикацию этого текста профилем газеты. В результате в болгарском пространстве дважды прозвучала мысль М. Стоянова о «признании» места писателя Бунина советскими критиками [Там же].

В том же номере газеты «Победа» от 27 ноября 1933 г. и на той же странице опубликован материал «Бунин и мы», подписанный инициалами «Св. В.», принад-

¹ Здесь и далее все цитаты из статьи приводятся по [РЛФ 1933].

лежность которых мне не удалось идентифицировать [Св. В 1933]. В тексте затрагивается проблема отношений И. Бунина с болгарскими, вынесенная в заглавие, и отмечается, что И. Бунин «слабо» известен в Болгарии, а его «влияние на нашу литературу незначительно»¹. Факт получения Нобелевской премии вызвал «особое волнение» в болгарских литературных кругах, которые обычно «прославляют» всех лауреатов. Нобелевская премия, по мнению автора, не является «признаком гениальности», так как известно, что многие писатели мировой известности не удостоились этой премии, а оценки Бунина по поводу его награждения «преувеличены». Тонкий беллетрист, «нежный и точный мастер пера», Бунин увлекает тихой грустью своеобразного романтизма, которым дышат все его произведения. В этой связи в статье ставится вопрос о влиянии писателя на болгарскую литературу. Ее автор отмечает, что Бунин «чужд проблемам жизни» и теряется в бальмонтской созерцательности. А болгарской публике нужны «более живые и активные иностранные писатели». Принимая большой талант Бунина, автор обращается к тем, кто его прославляет, чтобы те не «переусердствовали в лишнем идолопоклонстве».

Более резко прозвучал отзыв литературного критика и театрального деятеля **Мицо Андонова** (1901–1983) в его скорее публицистической статье «**О Нобеле, литературе и о голодных трудовых душах. Иван Бунин как писатель**», опубликованной в антифашистской газете для литературы, искусства и общественной мысли «**Щит**» в 1933 г. [Андонов 1933]. В понимании автора Бунин, может быть, и был «большим русским писателем» до 1917 г., но «его не знали миллионы русских городских и сельских трудовых масс», и «он тоже не знал их»². Когда произошел 1905 г. и власть «пыталась уничтожить» эти массы, Бунин «молчал и писал хорошие книги». После 1917 г. он «возроптал» против них и «вдохновлял дело» тех, кто хотел голодом и ни-

щетой задушить дело русского народа. Так что Бунина можно считать «вдохновителем» антирабочих и антинародных действий и мероприятий правящей буржуазии. Его награждают именно потому, что он не писал об этих массах. Андонов иронизирует и по поводу болгарских литераторов – «наших обезьян», – которые широко отражали награждение и посвятили «тысячи слов литературному делу Бунина». В действительности от него до болгарского читателя в переводе дошло только «несколько строк». И автор выносит категорическое заключение, что «никто не нуждается в Буinine».

Пиком социологической линии можно считать позицию уже цитированного критика **Г. Бакалова**, который в 1933 г. в литературно-общественном журнале «**Звезда**», издаваемом и редактируемом им, печатает статью в двух частях «**Бунин и жесткий кусок изгнания**» [Бакалов 1933]. Работа написана не только как отклик на присуждение Нобелевской премии «белоэмигрантскому писателю-дворянину Ивану Бунину»³, но прежде всего как полемика с критиками, доброжелательно относившимися к Бунину, и их публикациями – Йорданом Бадевым [Бадев 1933] и С. Чилингировым [Чилингиров 1933]. Автор возражает Бадеву, что никто «не принуждал» Бунина бежать вместе с разбитыми белогвардейскими бандами и что нечего его «оплакивать». Воспоминаниям С. Чилингирова о пребывании Бунина в Софии Бакалов уделяет больше места, опровергая все доводы их автора, что Бунин, как «жертва», нашел «прибежище» в Болгарии в потоке «эмигрантской волны». Критик говорит с пренебрежением о событиях, произошедших с Буниным во время его жизни в болгарской столице, описанных Чилингировым. Он язвительно комментирует и профессорское место в Софийском университете, предложенное Бунину только «ради полного материального обеспечения», старается унижить писателя и всех, кто с ним общался. В статье Бакалова акцент ставится на происхождении Бунина, который «носит белую эмиграцию в себе». Как дворянин он

¹ Здесь и далее все цитаты из статьи приводятся по: [Св. В 1933].

² Здесь и далее все цитаты из статьи М. Андонова приводятся по: [Андонов 1933].

³ Здесь и далее все цитаты из статьи Г. Бакалова приводятся по: [Бакалов 1933: 256].

мог бы «примириться» с диктатурой пролетариата, которая его лично не трогала и не тронула бы, если бы он остался в стране и работал в «рамках советских законов». Эмигранты, продолжает Бакалов, принадлежат к побежденным «паразитным» классам (буржуазии и дворянства), и именно эта принадлежность подтолкнула их эмигрировать, а не «отсутствие возможности для свободного проявления художественного вдохновения», как считает критик Й. Бадев. Эмиграция «сгниет» на чужбине, обобщает Бакалов, а в то же время в стране Советов «воодушевленное творческое вдохновение создает великолепную литературу пролетариата».

Противоположный полюс оценки занимает статья председателя Славянского общества **Никола Бобчева** (1863–1938), которая построена на логике не социальной, а этнической принадлежности. Работа опубликована под названием **«Нобелевский лауреат И. Бунин и болгары»** [Бобчев 1933] в 3-4-м номере журнала **«Славянский голос»** [«Славянски глас»] за 1933 г., издаваемого Славянским обществом Болгарии. Текст, выдержанный в патетическом стиле, вероятнее всего, закончен в начале 1934 г. Его автор определяет получение Нобелевской премии как «необыкновенный праздник в храме русской литературы и русского искусства»¹. Это торжество особенно важно для оказавшейся в тяжелом положении русской эмиграции, которая встречает его с «ликованием». Еще конкретнее – это неожиданное «увенчание» является и «помощью бедствующему писателю». Бобчев считает главным факт, что русская литература, имевшая уже мировое признание и вошедшая как «своеобразная стихия» в художественную культуру Европы, получила и международное подтверждение своего места в мировой духовной культуре. Он останавливается и на том, какой отклик получило награждение Бунина в Болгарии: его «праздник» был воспринят «с радостью» как праздник «своего», «близкого»

человека². В болгарской печати, посвятившей этому событию различные по объему публикации, в литературных изданиях, среди болгарского образованного общества решение Нобелевского комитета было встречено «с радостью и благодарностью». Бунину были отправлены от имени отдельных лиц и учреждений «поздравления и сорадования», он «особенно близок нашему сердцу». Бобчев вспоминает о пребывании Бунина в Софии в начале 1920-х гг., где нашел «первую возможность» отдохнуть и прийти в себя после пережитых нравственных и физических страданий. Здесь русский писатель попал в «родственную среду», которая могла бы дать ему возможность «сносно жить и работать как культурный деятель и писатель». Несмотря на отъезд во Францию, Бунин не остался «чужд» Болгарии, и она его «не забыла»: в трудных моментах его «тяжелого материального положения» он «получал, хотя и скромную, помощь от братской Болгарии». В ответ на эти жесты, считает Бобчев, Бунин выразил свое «внимание»³ к болгарскому обществу, и сам посчитал нужным послать в болгарскую газету⁴ описание торжества в Стокгольме, на котором состоялось вручение премии. Эта отзывчивость Бунина дает основание Бобчеву заключить, что вполне заслуженно по поводу награждения Бунина Нобелевской премией можно говорить о существующей связи между «Буниным и болгарами». Далее Бобчев цитирует поздравительный адрес, написанный на русском языке и посланный Бунину от имени Славянского общества:

«Милостивый государь⁵,

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич!

Славянское дружество в Болгарии от души приветствует Вас по случаю присуждения Вам Нобелевской литературной премии 1933 года. Это Ваше столь заслуженное награждение справедливо почита-

¹ Здесь и далее цитаты из статьи Бобчева до следующей сноски, уточняющей страницу, приводятся по: [Бобчев 1933: 151].

² Здесь и далее цитаты из статьи Бобчева до следующей сноски, уточняющей страницу, приводятся по: [Бобчев 1933: 152].

³ Здесь и далее цитаты из статьи Бобчева до ее конца приводятся по: [Бобчев 1933: 153].

⁴ Статья Бунина опубликована в номере газеты «Заря» от 15 января 1934 г.

⁵ Текст поздравительного адреса Славянского общества дословно воспроизводится по: [Бобчев 1933: 153–154].

ется Вашими соотечественниками праздником не только лично Вашим, как справедливая оценка Вашего замечательного художественного таланта, но и праздником русской литературы, русского искусства вообще, ибо Вы виднейший представитель и лучшее украшение современной русской литературы, – и русские люди справедливо гордятся вполне заслуженным Вашим отличием.

Но праздник русской литературы в некотором смысле и наш праздник – праздник болгарский; ибо русская литература для нас, болгар, стихия, почти что неотделимая от всей нашей духовной и, в частности, художественной культуры. Приводить тому доказательства не приходится. Юбилейные праздники русской литературы неизменно праздновались и у нас. И теперь по случаю присуждения Вам Нобелевской премии софийский еженедельник «Литературен глас» [«Литературный голос» – Г. П.] посвящает особый номер радостному событию Вашего отличия. Ваши же произведения читаются и переводятся у нас, как и произведения всех великих писателей, прославивших имя России и всего славянства.

И Ваша всероссийская и всеславянская слава превратилась теперь в мировую славу. Это новая моральная победа и русской культуры, и славянского гения. Ваш праздник – праздник славянского искусства и славянского гения.

Славянское дружество в Болгарии, вот уже 35 лет служащее делу славянской взаимности и культурного сближения славянских народов, преисполненное радости по случаю Вашего мирового признания, шлет Вам братские приветы и горячие пожелания о многолетнем еще славном служении несравнимому русскому художественному слову».

После этого текста Бобчев цитирует перевод с французского языка на болгарский речи Бунина, произнесенной на банкете в честь награжденных Нобелевской премией.

Статья председателя Славянского общества Н. Бобчева была напечатана повторно в номере от 3 февраля 1934 г. газеты «Мир», выходящей трижды в неделю, под тем же заглавием – «Нобелевский лауреат И. Бунин и болгары» [Бобчев 1934]. Вероят-

но, републикация в этой газете позволила бы статье Бобчева дойти до более широкого круга читателей, в отличие от ее размещения только в издании Славянского общества.

Бунин рассказал о церемонии награждения лауреатов, которая состоялась 10 декабря 1933 г., в статье «Нобелевская премия. Торжественность, которая смущает», опубликованной на болгарском языке в номере от 15 января 1934 г. независимой информационной газеты «Заря» [Бунин 1934]. Почему Бунин выбрал именно эту газету и кто автор перевода остаются открытыми вопросами.

В 1934 г. продолжалась публикация откликов, поводом для которых стало награждение Бунина Нобелевской премией.

Журнал «Зов», орган Союза православных христианских обществ учащейся молодежи в Болгарии, в своей второй книге (март – апрель) за 1934 г. напечатал статью Мильо Милева¹ «Иван Бунин» [Милев 1934]. В ней сообщается о том, что «впервые Нобелевская премия присуждается русскому писателю, Ивану Бунину, эмигранту во Францию»². Автор предлагает краткую биографическую справку и обзор его творчества, подчеркивая, что Бунин – «ученик Пушкина, Тургенева и Толстого», который не принадлежит ни одной школе и «развивает» собственный, единственно ему присущий писательский стиль. Главный лейтмотив прозы и поэзии Бунина – это «пейзаж». Милев перечисляет «некоторые основные идеалы человечества», к которым писатель «испытывает симпатию». На их основании, по его мнению, можно сделать следующие выводы о мировоззрении Бунина: русский писатель не интересуется социальными проблемами, но в его сердце живет «любовь к меньшему, кроткому брату» (стихотворение «Троица»); он испытывает мистическую любовь к родине, к «матушке России»; он встревожен «носителями безродности» и выражает свою большую любовь к родине, «охаянной и обруганной недостойными чадами». Так возникает образ матери, «любвеобильной мученицы»,

¹ Никакой информации о М. Милеве не удалось найти.

² Здесь и далее цитаты из статьи М. Милева до следующей сноски, уточняющей страницу, приводятся по [Милев 1934: 58].

которая готова на все жертвы ради своих детей (стихотворение «Мать»). В творчестве Бунина проявляется православная мистика, свойственная русской душе, глубокая, по сравнению с остальными славянскими народами, религиозность русского народа и связанная с ней «любовь к христианскому богослужению»¹. Милев перечисляет и анализирует ряд поэтических текстов, раскрывающих «с гениальной простотой и фотографической точностью» места, которые Бунин видел, посещая Святую Землю. В конце статьи автор кратко сообщает, что «после революции Бунин жил некоторое время в Болгарии».

Этот ракурс, интерпретирующий творчество, продолжил ежемесячный журнал для славянской литературы, искусства и культурных вопросов, издаваемый в городе Русе, «Наша струя». В номере 9-10 за 1934 г. опубликован перевод воспоминаний Ф. Степуна «Иван Бунин», осуществленный Б. Хр. Ивановой² [Иванова 1934]. В рекви-зитах публикации нигде нет идентификации, что это «перевод», хотя в начале статьи, после имени Б. Хр. Ивановой, в скобках указано: «(по Ф. Степуна)». Практически этот материал является переводом части воспоминаний Федора Степуна о Бунине, опубликованных под заглавием «Ив. Бунин» в 54-й книге «Современных записок» за 1934 г. [Степун 1934]. В болгарском варианте пропущены вступительные слова и общекультурный русский контекст и полностью присутствует кусок текста с 200-й страницы «Современных записок», начинающийся с пассажа о молодом писателе Бунине и до последнего абзаца на 211-й странице, где проблематизируется возможность переводов Бунина. Между этими своеобразными началом и концом из русского оригинала удалены цитаты или сравнения с другими писателями, некоторые пассажи реферируются, но исключительно корректно, и мысль Степуна сохраняется. На фоне всей редукции текста Б. Иванова представляет следующие тематические узлы в рефлексии Степуна: идею «двух

смертей» – «смерти как конца нашей жизни» и «смерти как неустанно происходящего в нас умирания нашего прошлого и настоящего» [Степун 1934: 206]; искусства как «власти» над «второй смертью» и его «магического жеста – памяти» [Там же]; памяти, ее «сущности» («в спасении образов жизни от власти времени») и ее «отличия от воспоминаний» [Степун 1934: 207]. Текст заканчивается словами Степуна, что Бунин «почти не переводим» и его надо читать «медленно и погруженно» [Там же].

В том же 9-10-м номере журнала «Наша струя» за 1934 г. опубликован перевод с чешского языка статьи эмигрантского поэта Вячеслава Лебедева (1896–1969) «Поэт Бунин» [Лебедев 1934а]. Перевод сделан издателем журнала Иваном Цаневым (1888–1940), который изучал славянскую филологию в Софийском университете, а знание славянских языков помогало ему знакомиться с произведениями отдельных славянских литератур и переводить их на болгарский язык. Сама статья в оригинале является вступительным комментарием Лебедева к шести переведенным им стихотворениям Бунина с русского на чешский язык и опубликованным в 1934 г. журнале «Славянское обозрение» [«Slovanský přehled»] [Lebeděv 1934b]. Именно оттуда, судя по всему, взял статью и Цанев, перевод которого корректно воспроизводит размышления Лебедева о «русском писателе в изгнании»³. Автор статьи утверждает, что Бунин после получения Нобелевской премии стал более известен в Европе как «беллетрист», но в то же время он «плодовитый и значительный поэт». Как для прозы, так и для поэзии Бунина характерны «классические черты речи». Он пишет не «ради музыкальности», а «повинуясь своему чувству и внутреннему порыву». Поэтому в его стихах природе отведено значительное место. Она «не является фоном для его личных чувств», а «самодостаточна» в своем круговороте, у нее всегда свое внутреннее, доводящее до уныния, иногда и таинственное, превосходство, которому поэт подчиняется с «восторгом и смирением». Бунин не протестует против существующего порядка жизни на земле и на небе и ни-

¹ Здесь и далее цитаты из статьи М. Милева до ее конца приводятся по: [Милев 1934: 59].

² Никакой информации о Б. Хр. Ивановой не удалось найти, кроме той, что она сотрудничала регулярно с журналом «Наша струя».

³ Здесь и далее все цитаты из статьи Лебедева в переводе И. Цанева приводятся по: [Лебедев 1934а].

когда не теряет свое творческое, иногда пусть меланхолическое, равновесие. Он не допускает в свое хрустальное царство нынешнего человека, беспокойство и ненасытность которого его отвращают. Только люди Востока и мудрые библейские личности бросают свои бледные и символические тени на тысячелетнюю пустыню земли, и их можно встретить в поэзии Бунина. Древние слова научили его узнавать смерть «во всех ее ликах». Но Бунин «верит в Бога-любовь», и поэтому его глаза обращаются к библейскому времени, к диким временам предстории, к «тяжелой и темной Руси» Васнецова. Бунин придерживается ямбического стиха, и традиции русского поэтического классицизма, установленные Пушкиным и Тютчевым, нашли в его лице своего «последнего сторонника и преданного певца».

На примере этих двух статей, хотя и переводных, болгароязычному читателю представлены проза и поэзия Бунина. Вполне вероятно, что в этом выборе проявилась стратегия издателя. Если оставить в стороне литературный авторитет журнала, издававшегося в провинции, и вопрос кто являлся его читателем, интерес к славянским литературам и искусству не исчерпывался эмоциональными декларациями о родстве, а приобретал аналитическое измерение. С другой стороны, журнал в очередной раз показал хорошую осведомленность болгарских издателей и критиков, которые даже в провинции оставались в курсе культурных новостей своего времени, а их вкус и подход соизмерялись с эмигрантскими изданиями или периодикой в других европейских странах.

Эмигрантские публикации в Болгарии после 1933 г. связаны с именем П. Бицилли. В 1934 г. в Софии издана его «Краткая история русской литературы. Часть II-ая. От Пушкина до наших дней», предназначенная для эмигрантской средней школы. Это «пособие для преподавателей и учащихся» [Бицилли 1934а: 4] Бицилли писал по заказу «владельца книжного магазина в Софии» Н. Н. Алексеева, задумавшего «издать серию учебников» [Бицилли 2012: 518, 532]. В последней главе «Краткой истории» – «Русская литература новейшего времени» – рассматриваются тенденции русского литературного развития конца XIX в. и

до 1930-х гг. Бицилли перечисляет имена прозаиков, которые появились на рубеже XIX и XX вв.: И. А. Бунина, А. И. Куприна, И. С. Шмелева, А. М. Ремизова, Б. Н. Зайцева, А. Н. Толстого, Н. А. Тэффи. Общее между ними он видит в том, что все они, подобно Толстому и Чехову, не подчинялись ни общественным, ни литературным направлениям, что убергло их от «тенденциозности»¹. Среди них профессор ставит имя Бунина «на первое место» и предлагает его творческий портрет. В течение долгих лет Бунин писал рассказы из быта помещичьего дворянства, к которому он сам принадлежит, и крестьянства. В этих текстах, имеющих характер «общественно-психологических очерков», проявилось общее между Буниным, с одной стороны, и Толстым и Чеховым, с другой, а именно «редкая правдивость, острая ненависть ко всякой неискренности и фальши как в жизни, так и в искусстве». Эта установка заставляет Бунина «избегать каких бы то ни было условностей в художественных приемах».

Бицилли видит ценность Бунина-поэта в «мастерстве воспроизведения чувственных восприятий»². Как «живописатель природы» Бунин развивается под влиянием не только таких поэтов, как Державин и Тютчев, но и «пейзажистов-прозаиков» – Гоголя и Тургенева. С течением времени Бунин постепенно отходит от поэзии и бытовых рассказов и «теперь» пишет психологические рассказы и повести, а также произведения «особого рода»: записи отдельных эпизодов, образов, картин природы, «врезавшихся в память автора и заставивших работать его воображение и мысль». В качестве «лучших» произведений Бицилли называет такие, как «Господин из Сан-Франциско», «Митина любовь», «Солнечный удар», «Тень птицы» (описания его путешествий), сборник «Божье древо» и «в особенности» «Жизнь Арсеньева». В них, сочетая элементы прозаиче-

¹ Здесь и далее цитаты из главы «Краткой истории» Бицилли до следующей сноски, уточняющей страницу, приводятся по: [Бицилли 1934а: 85].

² Здесь и далее цитаты из главы «Краткой истории» Бицилли до следующей сноски, уточняющей страницу, приводятся по: [Бицилли 1934а: 86].

ского и поэтического искусства, безошибочную зоркость, умение схватывать характерные детали, которые соотносятся с целым, о котором «сразу» дают представление, лиризм, взволнованность поэта-мыслителя, не перестающего изумляться таинственному великолепию Жизни во всех ее проявлениях, Бунин раскрывает во всей полноте свой талант «поэта в прозе».

В характерном для ученого «микроскопическом методе» «поиска совпадений и заимствований» [Петкова 2017: 74–96] Бицилли сравнивает Бунина с Гоголем, Тургеневым, Чеховым и Л. Толстым. Он доказывает, что из них Бунину ближе всего Толстой. Бунин, подобно Толстому, воспринимает все, что видит, как «проявление одной общей жизни», но в несравненно большей степени, чем Толстой, «ощущает связь видимого с незримым», и за всем, что «доступно нашим чувственным восприятиям», он «чувствует другую, таинственную, скрытую от наших взоров жизнь». Этот настрой «роднит» Бунина с символистами, хотя он всегда «держался в стороне» от их творческого круга.

Восприятие всех явлений жизни «как символов», выражение всего, что автор «чувствует» и о чем «размышляет», в «образах видимого и слышимого мира» роднит Бунина с Тютчевым, Фетом и «особенно» с Блоком¹. Поэтическая характеристика творчества Бунина проявляется и в том, что он не повествует о своих переживаниях, не излагает своих мыслей, а внушает их читателю «образами-символами». Этот прием повествования является распространенным в новейшей русской и западноевропейской литературе. Но Бунин превосходит всех своих современников по «мастерству пользования им», по «богатству и необычайной точности и выразительности языка».

В «Краткой истории» Бицилли осмысляет Бунина как принадлежащего русскому национальному пантеону и, посвящая ему полноценный авторский профиль в рамках учебного пособия, аргументирует его включение в учебный эмигрантский канон – валидный не только в Болгарии, но и для всей эмиграции первой волны.

Сквозь призму поэтики и вклада в раз-

витие русского литературного языка Бунин присутствует в исследованиях, которые Бицилли готовил для Ежегодника Софийского университета. Вышедшая в 1934 г. на немецком языке работа «*Die „Haus“-Literatur und der Ursprung der klassischen Literatur in Russland*» [Bicilli 1934b], которая была напечатана в переводе с немецкого перевода² на русский язык в 2019 г. под заглавием «*“Домашняя” литература и истоки классической литературы в России*», построена на идее «дома» как «очага русской культуры»³ [Бицилли 2019: 27]. В концепции профессора «автобиографический роман» «Жизнь Арсеньева» рассматривается как завершающий эту линию развития русской литературы, начатую в русской культуре с Державина и его поэмы «*Жизнь на Званке*». Он оценивается как «самое гениальное произведение Бунина», в котором с непревзойденным мастерством переплетены элементы «исповеди» и «семейной хроники» последнего русского «дворянского гнезда» [Там же: 27].

В работе «*К вопросу о характере русского языкового и литературного развития в Новое время*» [Бицилли 1936], опубликованной на русском языке в 1936 г. в *Ежегоднике Историко-филологического факультета Софийского университета*, профессор останавливается на «широком и разнообразнейшем использовании» сказа⁴ у Бунина и анализирует, как этот «стилистический прием» связан с «общей тенденцией» его творчества, а именно: писатель «никогда не рассказывает, а только показывает», т. е. у Бунина «изложение заменено художественным воссозданием пережитого и виденного».

В 1935 г. в библиотечной серии «Литературные разработки» вышло небольшое учебное пособие для болгарских средних школ «*Новая русская литература*», составленное писателем и литературоведом **Еню**

² См. реконструкцию творческой истории с точки зрения болгарского контекста этой, к сожалению, оставшейся вне внимания историков русской литературы, концептуальной работы Бицилли в: [Петкова 2019].

³ Здесь и далее цитаты из работы Бицилли приводятся по переводу статьи с немецкого перевода на русский язык, осуществленном Й. Люцкановым [Бицилли 2019].

⁴ Здесь и далее цитаты из работы Бицилли приводятся по: [Бицилли 1936: 40].

¹ Здесь и далее цитаты из главы «Краткой истории» Бицилли до ее конца приводятся по: [Бицилли 1934а: 87].

Николовым (1887–1966). В предисловии отмечается, что русская литература изучается в болгарских средних школах, но это происходит весьма «отрывочно», и учащиеся не могут составить себе «ясное представление об ее развитии» [Николов 1935: 3]. Поэтому издание предлагает краткую историю новой русской литературы, «которая представлена в своих самых значительных образцах»¹, начиная с Пушкина. Составитель отмечает, что он избегал «подробных историко-литературных или художественных анализов» и ставил себе «скромную цель – припомнить и указать на лучшие произведения и вызвать любовь к русским писателям». С этой точки зрения книга обращена и к «широкому кругу читателей», в своем стиле придерживается «более живого изложения».

В кратком, похожем на энциклопедическую справку пассаже главы **«Новейшая литература»**, посвященном И. Бунину, собрана подходящая для цели издания информация. Бунин занимает «первое место» среди появившихся прозаиков в русской литературе конца XIX – начала XX вв.² Он пишет бытовые рассказы, в которых чувствуется влияние Толстого и Чехова («Деревня», «Суходол»), а в поэзии проявляет себя как талантливый «живописец природы», и в этом замечается влияние Державина и Тютчева, Гоголя и Тургенева. Бунин является также автором рассказов и повестей «индивидуально-психологического характера». Его наилучшие произведения «Господин из Сан-Франциско», «Митина любовь» и «в особенности» «Жизнь Арсеньева» «отличаются необыкновенной наблюдательностью и глубоким лиризмом». За всем видимым Бунин открывает другую, «таинственную жизнь», и это «роднит» его с символистами.

В Библиографии к книге процитирована и «Краткая история» (1934) П. Биццли, сравнение *бунинских отрывков* в обоих пособиях показывает, что Е. Николов заимствовал, адаптируя, выводы Биццли. В данном случае научный плагиат в изло-

жении Е. Николова – второстепенный вопрос, важнее факт, что с 1935 г. Бунин присутствует в списке хрестоматийных русских писателей, рекомендуемых для чтения в болгарской средней школе, и предложен некий аналитический пунктир, который может заполняться или видоизменяться во время занятий. Допустимо считать, что Бунин стал частью учебного канона русской эмигрантской школы (1934) и средней школы в Болгарии (1935) приблизительно в одно и то же время.

В последующие годы публикации о Бунине встречаются реже. В 1937 г. религиозный журнал **«Вера и жизнь»** [«Вера и живот»], предназначенный для учащейся молодежи и издаваемый в городе Русе, опубликовал пространную статью **Николая Белитца** (1886–1959) **«Чувство Бога у Бунина»** [Белитц 1937]. Ее автор – русский эмигрант, писатель и публицист, тогда учитель девичьей гимназии. Работа написана на болгарском языке и, очевидно, адресована гимназистам. Она отмечена сильной патетичностью и назидательностью, вероятно, имеющих целью в соответствии с профилем журнала помочь христианскому воспитанию молодежи. В ее основе несколько идей, которые повторяются, приводятся и цитаты из поэзии Бунина на русском языке. Автор статьи ставит своей задачей раскрыть, как Бунин интерпретирует «вечный вопрос о Боге»³ в своих произведениях. Бунинский Бог «многолик и вместе с тем однолик». Многолик, потому что скрыт во всех вещах и явлениях, у него много обликов; однолик – поскольку во множестве и неисчислимости своих проявлений бунинский Бог в своей сущности всегда один и тот же и присутствует везде в окружающем мире. В качестве примера Белитц приводит цитаты из стихотворения «Бог» (1908). Бог для Бунина «ясен, радостен, прост», если таким является сам носитель этой идеи или чувства Бога – в этом случае человек может увидеть и почувствовать его везде. Бог присутствует не только в светлых радостях людей, но и в их скорбях, страдания людей становятся и его страданиями. Неразрывно

¹ Здесь и далее все цитаты из предисловия Е. Николова приводятся по: [Николов 1935: 4].

² Здесь и далее все цитаты из пассажа о Бунине в главе приводятся по: [Николов 1935: 156].

³ Здесь и далее цитаты из статьи Н. Белитца до следующей сноски, уточняющей страницу, приводятся по: [Белитц 1937: 44].

связанный с миром и людьми, Бог Бунина по-отечески строг и милостив к «сыну блудному», который временно потерял в душе чувство Бога¹. Идея Бога сохраняется у Бунина всегда – и в безумии, и в преступлениях его героев. С точностью и лаконичностью писатель показывает «архиземное» в жизни, чтобы дать понять, что существует и другое – «небесное, высшее и божественное». Все «архиземное» – только поверхность, покров, который скрывает в человеке его «вечную тревогу о небе» и «вечный поиск истины». Человек должен соединить «архиземную сущность» с «божественной истиной». Если в душе человека нет чувства Бога, тогда в нем нет никаких сил, которые могли бы остановить его совершать судьбоносные ошибки, воспрепятствовать его «устремленности» к бездне хаоса, к преступлению перед собой, близкими и любимыми, перед человечеством, перед самим Богом². Такими являются Игнат и Любка (рассказ «Игнат»), «безразлично» предающиеся своим инстинктам; Оля Мещерская, радость которой проистекает из ее порочности, а не от Бога; лицеист и гимназистка в рассказе «Метеор» и другие его герои. Автор статьи задается вопросом, что может остановить этих людей, если в их душах нет сил на это, так как в них отсутствует чувство Бога? И отвечает, что только «некая случайность, независимая от их воли», может их спасти и предотвратить катастрофу, как в рассказе «Солнечный луч».

Для Бунина мир, окружающий человека, полон неизреченной красоты. Он поражен ею и любит все, весь мир в каждой земной твари, в каждой мелочи. Так, из «любви к меньшему в мире» Бунин поднимается до «приятия и любви к космосу». Для поэта «мир – храм», а Бог присутствует «везде в этом космическом, бесконечном храме». И Белитц заключает, что только всеохватывающая идея Бога дает Бунину возможность связать воедино «все места, времена, людей и земные создания» и создать «бесконечно длящийся художественный анализ и всепоглощающий синтез»,

¹ Здесь и далее цитаты из статьи Н. Белитца до следующей сноски, уточняющей страницу, приводятся по: [Белитц 1937: 45].

² Здесь и далее цитаты из статьи Н. Белитца до ее конца приводятся по: [Белитц 1937: 46].

не нарушая божественную гармонию.

В 1938 г. в серии «Всемирная литература» был издан небольшой том «Русские поэты», включающий переводы на болгарский язык стихотворений А. Блока, А. Белого, В. Брюсова, Д. Мережковского, З. Гиппиус, И. Бунина, К. Бальмонта, Ф. Сологуба. Перевод принадлежал болгарскому писателю и переводчику Круму Йорданову (1900–1958). В рамках общего предисловия о Бунине сказано, что в русской поэзии он «эпигон Майкова», а своими романами «добился европейской известности и получил Нобелевскую премию» [Йорданов 1938: 4]. В этом издании Бунин манипулятивно соотнесен с символистами, вполне возможно, что на это присоединение повлияла Нобелевская премия, после которой писатель стал исключительно популярен среди болгарской публики. Подобная известность широкому читателю могла обеспечить и успешную социализацию самого сборника стихов.

В 1943 г. Софийским университетом была издана хрестоматия «Образцы русской литературной речи» [«Руска книжовна реч в образци»], предназначенная для изучения русского языка и русской литературы в специальности славянская филология. Ее составили университетские профессора языковед Стоян Романский (1882–1959) и лектор русской литературы на Историко-филологическом факультете славист Михаил Попруженко (1886–1944). В книгу вошли отрывки из произведений 48 русских писателей и поэтов XVIII, XIX и XX вв., которые, очевидно, формировали, с точки зрения составителей, корпус наиболее ценных, канонических текстов русской литературы³.

Русская литература XX века представлена авторами как советской, так и эмигрантской литературы. Из всех эмигрантских творцов Бунин присутствует наиболее полно как прозаик и поэт. В его писательский раздел составители включили поэтические тексты, рассказ «Снегур», отрывки из «Господина из Сан-Франциско» и «Жизни Арсеньева» [Попруженко, Романски 1943: 551–571]. Все писательские персоналии, Бунина в том числе, построены по одному принципу и похожи на энциклопедические статьи, включающие биографи-

³ Анализ и описание этого издания можно найти в: [Петкова 2022].

ческий и библиографический компоненты, главную тенденцию творчества, перечень изданных сочинений. Но эта сухая информативность может служить неким конспектом, который разрешает максимальную свободу интерпретаций в аудитории и позволяет лектору применять различные аналитические подходы. В конкретном случае важен факт, что в 1943 г. болгарское академическое «поле» не только подтвердило принадлежность Бунина русскому литературному канону, следуя тенденции, заложенной еще в 1920 г. Б. Пеневым, но и включило его в университетский преподавательский канон.

В этом третьем хронологическом отрезке насчитываются 44 публикации, показавшие расширение читательского интереса к Бунину и подтвердившие значение его имени для болгарской культурной памяти.

Представленные тексты не только вводят в научный оборот неизвестный источниковедческий материал. Их поступательность и количественное нарастание во времени раскрывают критическую рецепцию Бунина в Болгарии в ее становлении как многоаспектный процесс. В результате писатель превратился из малоизвестного в читаемого и интерпретируемого в Болгарии русского автора.

Весь массив отзывов, рецензий, докладов, научных сообщений можно соединить в некое повествование, озаглавленное «Бунин и болгары» [Бобчев 1933: 151], если воспользоваться языком Н. Бобчева. Своеобразной завязкой этого сюжета можно считать пребывание Бунина в Софии, а его кульминацией – получение Нобелевской премии и реакцию болгарского общества на это награждение. Рассказ о восприятии Бунина, построенный на этом сюжете, далеко не однородный, в нем выделяются несколько параллельных линий, за которыми проступают различные тенденции.

В центре внимания ряда авторов (Б. Пенева, М. Николова, Д. Шишманова, И. Бадева, Л. Вылчанова) были эстетические достижения русского писателя, независимо от того, причисляли ли Бунина к новым течениям в русской литературе начала XX века или к классической традиции, и

«универсальная значимость» [Дзивгов 1933b] его творчества, доминирующая над стереотипами национального характера. Для этой эстетической или литературоведческой ветви болгарского критического осмысления Бунин еще при жизни вписан в русский литературный канон, интерес к нему не только разрастался параллельно изданию его новых произведений, но и углублялся благодаря контаминации различных интерпретационных подходов (литературной истории, компаративистики, стилистики, психоанализа). В этом внутреннем сюжете награждение Нобелевской премией явилось доказательством таланта Бунина, искусство которого «вечно».

Эстетическая критика формировала свои позиции, руководствуясь в первую очередь «автономными» (П. Бурдые) для литературного поля аргументами. Но были и другие тенденции, которые в своих интерпретациях основывались на этнической или социальной принадлежности Бунина. Так конструируется славянофильский нарратив, окончательно утвердившийся в 1933 г. и объясняющий значение Бунина и его отношения с болгарскими литераторами сквозь призму родового начала. Он предложен сторонниками славянской идеи и деятелями Славянского общества (С. Чилингировым, Н. Бобчевым) и выдержан в возвышенно-патетическом стиле. Славянофилы видят в Бунине «особенно близкого к сердцу» братского писателя, прославившего имя России и «всего славянства» [Бобчев 1933: 153]. На этом горизонте Нобелевская премия воспринимается как помощь бедствующему писателю, а награждение является не только праздником русской литературы, но и «болгарским праздником» [Бобчев 1933: 151].

Родовой близости противостоит тенденция, подчиняющаяся, однако, той же «гетерономной» (П. Бурдые) логике. Она исходит из социальной идентификации автора: непринадлежность к трудящимся массам дисквалифицирует литературное дело Бунина. Эту сюжетную линию развивала социологическая (марксистская, пролетарская) критика (Г. Бакалов, М. Андонов, Д. Полянов), в ней публицистический стиль насыщен отрицательными суждениями о Бунине. Для пролетарских критиков

Нобелевская премия дискредитирована как литературный институт, она имеет политическую, а не литературную стоимость, так как в лице Бунина буржуазия награждает себя, а по сравнению с советскими писателями Бунин «незначительный» [РЛФ 1933] автор.

Эти сюжетные линии или тенденции, обозначенные как *эстетическая*, *славянофильская* и *социологическая*, корреспондируют с «ракурсами» восприятия другого, которые предложил Цветан Тодоров, опираясь, правда, на различный эмпирический материал: «любить» или не любить другого, поскольку он хороший или плохой; «отождествляться» с ним, принимая его ценности или нет; «познавать» другого или нет, при этом в процессе познания нет ничего «абсолютного», а наблюдается «бесконечная градация» [Тодоров 2010: 211]. Между этими «ракурсами» или «планами», по Тодорову, существуют связи и сходства, но эти взаимоотношения не детерминированы строго, и ни один из планов «не сводится к другому и не предопределяется им» [Тодоров 2010: 212]: познавать не означает любить и наоборот, или познавать и любить не требует отождествления с другим.

Размышляя о творчестве Бунина, эстетическая критика в основном пытается непрерывно познавать; славянофилы любят и отождествляют положительно; а социологическая критика его не любит и не принимает его ценности, для нее Бунин однозначно плохой («большевикоядец»). Эти тенденции в бунинской рецепции не остаются, однако, замкнутыми монадами, они могут спорить между собой, отрицать друг друга или обмениваться характеристиками. Например, эстетическая критика не скрывала свои эмоции, когда речь шла о Нобелевской премии Бунина, особенно в контексте преждевременной утраты номинированного болгарского кандидата поэта П. Славейкова; Б. Пенев и М. Николов проблематизировали русский национальный характер, но избегали отождествления и подчеркивали «художественный универсализм» [Николов 1933: 458] как центральную категорию бунинского творчества; А. Дзивгов привлекал этнический компонент, утверждая, что культура Бунина «врожденна», поскольку он вскормлен «родной землей» [Дзивгов 1933b]. Примеры

подобного обмена можно привести еще, но все три сюжетные линии в своей, иногда дисгармоничной, дополнительной показывают, что болгарское культурное поле, профессиональные литераторы, в частности, воспринимали личность Бунина, его творчество, его издания, его новые произведения и критические исследования о нем как значимые для себя темы.

На фоне этого устойчивого интереса не менее выраженной тенденцией, стабилизированной к концу 1920-х гг., выделяется *переводная критическая рецепция*, а именно публикации статей эмигрантских литераторов в переводе на болгарский язык. Эта *заимствованная критика* свидетельствует о том, что в Болгарии была достаточно хорошая информированность о жизни и творчестве писателя во Франции, а также об изданиях Бунина и о Бунине в других, принимающих русскую эмиграцию странах. Вероятно, издатели или переводчики этих статей давали себе отчет в том, что они не смогут *так* написать о писателе-современнике, а сами материалы импонировали им уровнем осмысления бунинского художественного мира. Благодаря переводам заинтересованному читателю стали известны тексты Ф. Степуна, М. Слонима, Вяч. Лебедева, акцент в которых ставится на поэтике и литературных достоинствах произведений Бунина. Так переводная критика работала на усвоение болгарским буниноведением *не хватающего ему метаязыка* и на углубление «познания» Бунина, т. е. утверждала доминанцию *эстетической* тенденции.

Жанровый статус болгароязычных критических работ зависел от профиля периодического издания, где публикуется материал. В большинстве случаев это отзывы, рецензии или статьи, которые писались по поводу конкретной книги или произведения, но не ограничивались этим, выявляя особенности и других бунинских произведений, часто в контексте русской литературы. В этом смысле можно констатировать тенденцию к жанровой гибридизации, когда рецензия перерастает в критическую статью, административный доклад становится конспектом научного исследования, краткое сообщение или юбилейная заметка предлагают микроскопические наблюдения над конкретным тек-

стом и концептуальные обобщения. Информативные и (или) аналитические, наивные или основательные с сегодняшней точки зрения, эти работы в своей кумулятивности вырабатывали язык, на котором говорится о Бунине, и формировали общественное мнение, т. е. создавали среду для чтения, перевода и толкования произведений Бунина.

Самостоятельное русло составила и русская эмигрантская рецепция в Болгарии, которая тоже не была однородной. Ее общим знаменателем был исключительный респект к Бунину, воспринимаемому и как несомненный авторитет, способный «объединить» русских эмигрантов, и как «мировой писатель». Отдельную линию в ней составил мемуарный пласт в лице писателя А. М. Федорова, который раскрывал образ Бунина во времени и ракурсах, недоступных болгарской публике. Второй пласт можно назвать историософским (В. Левитский, Г. Рапопорт), когда в контексте характерной для эмиграции повышенной рефлексии о путях России и ее возрождении переосмысливаются отрицательные характеристики русской деревни, раскрытые Буниным, как проявления силы и выдержки русского национального характера. Третьим стабильным пластом можно выделить литературоведческие работы о Бунине проф. П. Бицилли и близкого к нему Г. Волошина. Инкорпорированный в лите-

ратуроведение Бицилли, созданное в Болгарии, его бунинский текст участвовал в утверждении репутации «русской эмигрантской Софии» как центра изучения русской литературы. Акцент в размышлениях Бицилли ставился на поэтологию бунинского творчества и в особенности на языковом мастерстве русского писателя.

П. Бицилли считал Бунина одним из наиболее важных авторов русской литературы XX в. В этом его взгляды совпадали с мнениями таких болгарских критиков, как Б. Пенев, М. Николов, А. Дзивгов. Именно эстетическая призма объединила болгароязычную и русскоязычную рецепцию, благодаря ей осуществлялся диалог между ними. К началу 1940-х гг. для культурной и научной элиты в Болгарии присутствие Бунина в списке «образцовых авторитетов» (Я. Ассман) было бесспорным. Главная заслуга представленной критической рецепции Бунина заключается в создании и стабилизации национальной традиции изучения и преподавания русского писателя. После 1944 г. эта традиция утратила свою идентичность, ей пришлось пережить собственную лиминальную фазу. Возобновление интереса к Бунину в конце 1950-х гг. сопровождалось изобретением различных стратегий в попытке перехитрить многоликую цензуру. Но это уже другой сюжет и другой рассказ.

Литература

- Андонов, М. Г. За Нобеля, за литературата и за гладните трудови гърла. Ив. Бунин като писател / М. Г. Андонов // Щит. Седмичник за литература, изкуство и обществена мисъл. – 1933. – № 14. – С. 4.
Б[ез] п[одпис]. Нобеловата премия по литература / Б. п. // Борба. Независим информационен ежедневник. – 1933. – № 3763. – С. 2.
Б[ез] п[одпис]. Писателят Иван Бунин награден / Б. п. // Дунавска трибуна. Независим ежедневник. – 1933. – № 1928. – С. 1.
Б[ез] п[одпис]. Иван Бунин / Б. п. // Камбана. Всекидневен народен вестник. – 1934. – № 1. – С. 1.
Б[ез] п[одпис]. Европейският печат и Бунин / Б. п. // Литературен глас. Седмичник за литература, изкуство и обществени въпроси. – 1933. – № 210. – С. 7.
Б[ез] п[одпис]. Нобеловата премия / Б. п. // Обзор на политическия, икономически, стопански и културен живот на България и другите държави. – 1933. – № 13. – С. 3.
Б[ез] п[одпис]. Нобеловата премия по литература дадена / Б. п. // Победа (Пловдив). Информационен ежедневник. – 1933. – № 1127. – С. 2.
Б[ез] п[одпис]. Нобеловата премия отсъдена на белогвардееца Бунин / Б. п. // Р.Л.Ф. Работнически литературен фронт. – 1933. – № 148. – С. 1.
Б[ез] п[одпис]. Летопис на събитията в края на 1933 и през 1934 г. България. 1933. Ноември / Б. п. // Славянски календар за 1935 г. Издава Славянското дружество в България. – 1935. – № 29. – С. 54–77.
Бадев, Й. А. Нобеловата премия на Иван Бунин / Й. А. Бадев // Зора. Независим информационен утринен ежедневник. – 1933. – № 4317. – С. 3.

Бакалов, Г. И. Бунин и коравия «залък на изгнанието» / Г. И. Бакалов // Звезда. Литературно-обществен двуседмичник. – 1933. – № 8. – С. 255–256; № 9. – С. 284.

Белитц, Н. Чувството за Бога у Бунина / Н. Белитц // Вряра и живот. Издава Доростоло-Червенската митрополия. – 1937. – № 2. – С. 44–46.

Бицилли, П. М. Ив. Бунин като художник / П. М. Бицилли // Литературен глас. Седмичник за литература, изкуство и обществени въпроси. – 1933а. – № 210. – С. 3.

Бицилли, П. М. Творчество Бунина / П. М. Бицилли // Голос. – 1933б. – № 467. – С. 2–3.

Бицилли, П. М. Краткая история русской литературы. Часть II-ая. От Пушкина до нашего времени / П. М. Бицилли – София : Без изд., 1934а. – 99 с.

Бицилли, П. М. К вопросу о характере русского языкового и литературного развития в Новое время / П. М. Бицилли // Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет. – София, 1936. – № 32. – С. 3–46.

Бицилли, П. М. «Домашняя» литература и истоки классической литературы в России. Перевод с немецкого перевода Йордана Люцканова / П. М. Бицилли. – Текст : электронный // Toronto Slavic Quarterly – 2019. – № 69. – С. 1–35. – URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/69/index_69.shtml (дата обращения: 16.08.2023).

Бицилли, П. М. «Современные записки» все ближе и ближе подходят к тому, чего я лично хотел от них / П. М. Бицилли ; публикация и примечания М. А. Бирмана и М. Шрубы ; вступительная статья М. А. Бирмана // «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / под редакцией Олега Корстелева и Манфреда Шрубы. Т. 2. – Москва : НЛО, 2012. – С. 501–686.

Бобчев, Н. С. Нобелевският лауреат Ив. Бунин и българите / Н. Бобчев // Славянски глас. Орган на Славянското благотворително дружество в София. – 1933. – № 3-4. – С. 151–155.

Бобчев, Н. С. Нобелевският лауреат Ив. Бунин и българите / Н. Бобчев // Мир. Орган на Народната партия. – 1934. – № 10067. – С. 3.

Бойчева, Н. Ив. Бунин / Н. Бойчева // Летопис. Седмичник за литература, изкуство, филм, наука, радио и обществен живот. – 1933. – № 7. – С. 1.

Бунин, И. А. Нобеловата премия. Една тържественост, която смущава / И. А. Бунин // Зора. Излиза всяка седмица. – 1934. – № 4360. – С. 2.

Волен, И. Иван Алексеевич Бунин / И. Волен // Църковен вестник. Седмично издание. – 1933. – № 46. – С. 529–530.

Волошин, Г. Ф. Проза, поезия и вдъхновение у Бунин / Г. Ф. Волошин // Литературен глас. Седмичник за литература, изкуство и обществени въпроси. – 1933. – № 210. – С. 5.

Д. С. Ц. Иван Бунин. Новият лауреат на Нобеловата премия / Д. С. Ц. // Стара планина. Култура – изкуство. – 1933. – № 3. – С. 5.

Дзивгов, А. Знаменитият руски писател Ив. Бунин получи Нобелова премия / А. Дзивгов // Литературен глас. Седмичник за литература, изкуство и обществени въпроси. – 1933а. – № 210. – С. 1.

Дзивгов, А. Бунин и западна литература / А. Дзивгов // Голос. – 1933б. – № 467. – С. 2.

Зайцев, Б. К. Бунин увенчан / Б. К. Зайцев // Литературен глас. Седмичник за литература, изкуство и обществени въпроси. – 1933. – № 210. – С. 3.

Иванова, Б. Хр. Ив. Бунин (по Ф. Степун) / Б. Хр. Иванова // Наша струя. Месечник за славянска литература, изкуство и културни въпроси. – 1934. – № 9-10. – С. 151–153.

Йорданов, К. Руски поети / К. Йорданов. – София : Всемирна литература, 1938. – 32 с.

Лебедев, В. М. Поетът Бунин / В. М. Лебедев // Наша струя. Месечник за славянска литература, изкуство и културни въпроси. – 1934а. – № 9-10. – С. 154.

Милев, М. Ив. Бунин / М. Милев // Зов. Орган на Съюза на православните християнски дружества на учащата се младеж в България. – 1934. – № 2. – С. 58–59.

Николов, Е. Нова руска литература. Библиотека «Литературни разбори» / Е. Николов. – София : Книгоиздателство «Факел», 1935. – С. 156.

Николов, М. Бунин. По случай награждаването му с Нобеловата премия / М. Николов // Златорог. Месечно списание. – 1933. – № 10. – С. 457–459.

Петкова, Г. «Да се даде ръководеща нишка ...»: История на руската литература от проф. П. Бицилли в три книги (България, 1931–1934 г.) / Г. Петкова. – София : Факел, 2017. – 656 с.

Петкова, Г. Т. «Домашняя литература ...» и ее соседи среди филологических трудов П. Бицилли первой половины 1930-х гг. / Г. Т. Петкова. – Текст : электронный // Toronto Slavic Quarterly. – 2019. – № 69. – С. 39–51. – URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/69/Petkova69.pdf> (дата обращения: 19.07.2023).

Петкова, Г. Т. Хроника культурной и литературной жизни русской эмиграции в Болгарии (1919–1940) / Г. Т. Петкова // И. Юхновски, Н. Казански, Г. Петкова. Нова книга за руската емиграция в България. – София : Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов», 2020. – С. 338–443.

“THERE IS SOMETHING IMMUTABLE ... FREEDOM OF THOUGHT AND CONSCIENCE”:
TO THE 90TH ANNIVERSARY OF I. BUNIN'S NOBEL PRIZE

Петкова, Г. Т. Образцы русской литературной речи, изданные в Софии (1943) / Г. Т. Петкова // Уральский филологический вестник. Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. – 2022. – № 3. – С. 149–175.

Попруженко, М. Г. Руска книжовна реч в образци / М. Г. Попруженко, С. М. Романски. – София : Университетска печатница, 1943. – 626 с.

Рапопорт, Г. К. Генийт на Бунин / Г. К. Рапопорт // Литературен глас. Седмичник за литература, изкуство и обществени въпроси. – 1933а. – № 210. – С. 7.

Рапопорт, Ю. К. Генийт на Бунина / Ю. К. Рапопорт // Голос. – 1933b. – № 467. – С. 1.

Русев, Р. Поезията на Иван Бунин / Р. Русев // Литературен глас. Седмичник за литература, изкуство и обществени въпроси. – 1933. – № 210. – С. 2.

Св. В. Ив. Бунин и ние / Св. В. // Победа. – 1933. – № 167. – С. 4.

Симеонов, К. Новия лауреат на премията за литература / К. Симеонов // Българска независимост. Орган на Нац. либер. партия обединена. – 1933. – № 321. – С. 2.

Слоним, М. Л. Иван Алексеевич Бунин (Новият лауреат на Нобеловата литературна премия – 1933) / М. Л. Слоним // Литературен свят. (Нов женски свят). Независим вестник за литература, информация и обществен живот. – 1933. – № 3. – С. 1.

Степун, Ф. А. Ив. Бунин / Ф. А. Степун // Современные записки. Общественно-политический и литературный журнал. – 1934. – № 54. – С. 127–211.

Стоянов, М. Бунин и руските селяни / М. Стоянов // Литературен глас. Седмичник за литература, изкуство и обществени въпроси. – 1933а. – № 210. – С. 5.

Стоянов, М. Бунин и руските селяни / М. Стоянов // Победа. – 1933b. – № 167. – С. 4.

Тодоров, Ц. Завладяването на Америка. Въпросът за другия / Ц. Тодоров. – София : Изток – Запад, 2010. – 323 с.

Федоров, А. М. И. А. Бунин / А. М. Федоров // Голос. – 1933. – № 467. – С. 2.

Чилингиров, С. Х. Иван Алексеевич Бунин в София / С. Х. Чилингиров // Литературен глас. Седмичник за литература, изкуство и обществени въпроси. – 1933. – № 210. – С. 4.

Bicilli, P. Die „Haus“-Literatur Und Der Ursprung Der Klassischen Literature in Russland / P. Bicilli // Jahrbücher Für Kultur Und Geschichte Der Slaven. – 1934b. – No. 10. – P. 382–420.

Lebedev, V. Ivan Bunin / V. Lebedev // Slovanský přehled. – 1934b. – No. 4-5. – S. 105.

References

Andonov, M. G. (1933). Za Nobelya, za literaturata i za gladnite trudovi garla. Iv. Bunin kato pisatel [For Nobel, for literature and for hungry working throats. Ivan. Bunin as a writer]. In *Shtit. Sedmichnik za literatura, izkustvo i obshtestvena misal*. No. 14, p. 4.

Badev, J. A. (1933). Nobelovata premiya na Ivan Bunin [Ivan Bunin's Nobel Prize]. In *Zora. Nezavisim informacionen utrinen ezhednevnik*. No. 4317, p. 3.

Bakalov, G. I. (1933). Bunin i koraviya «zalak na izgnanieto» [Bunin and the Hard “Bite of Exile”]. In *Zvezda. Literaturno-obshchestven dvusedmichnik*. No. 8, pp. 255–256; No. 9, p. 284.

Belitc, N. (1937). Chuvstvoto za Boga u Bunina [Bunin's Sense of God]. In *Vyara i zhivot*. Izdava Dorostolo-Chervenskata mitropoliya. No. 2, pp. 44–46.

B[ez] p[odpis]. (Borba). (1933). Nobelovata premiya po literatura [The Nobel Prize in Literature]. In *Borba. Nezavisim informacionen ezhednevnik*. No. 3763, p. 2.

B[ez] p[odpis]. (Dunavska tribuna). (1933). Pisatelyat Ivan Bunin nagraden [The Writer Ivan Bunin Awarded]. In *Dunavska tribuna. Nezavisim ezhednevnik*. No. 1928, p. 1.

B[ez] p[odpis]. (Kambana). (1934). Ivan Bunin [Ivan Bunin]. In *Kambana. Vsekidneven naroden vestnik*. No. 1, p. 1.

B[ez] p[odpis]. (Literaturen glas). (1933). Evropejskiyat pechat i Bunin [The European Press and Bunin]. In *Literaturen glas. Sedmichnik za literatura, izkustvo i obshchestveni vaprosi*. No. 210, p. 7.

B[ez] p[odpis]. (Obzor). (1933). Nobelovata premiya [The Nobel Prize]. In *Obzor na politicheskiya, ikonomicheski, stopanski i kulturnen zhivot na Balgariya i drugite darzhavi*. No. 13, p. 3.

B[ez] p[odpis]. (Pobeda, {Plovdiv}). (1933). Nobelovata premiya po literatura dadena [Nobel Prize in Literature Given]. In *Pobeda (Plovdiv). Informacionen ezhednevnik*. No. 1127, p. 2.

B[ez] p[odpis]. (RLF). (1933). Nobelovata premiya otsadena na belogvardeeca Bunin [Nobel Prize Awarded to White Guard Bunin]. In *R.L.F. Rabotnicheski literaturen front*. No. 148, p. 1.

B[ez] p[odpis]. (Slavyanski kalendar). (1935). Letopis na sabitiyata v kraya na 1933 i prez 1934 g. Balgariya. 1933. Noemvri [Chronicle of events in late 1933 and 1934 Bulgaria. 1933. November]. In *Slavyanski kalendar za 1935 g*. Izdava Slavyanskoto druzhestvo v Balgariya. No. 29, pp. 54–77.

- Bicilli, P. M. (1933a). Iv. Bunin kato hudozhnik [Ivan Bunin as an Artist]. In *Literaturen glas. Sedmichnik za literatura, izkustvo i obshchestveni vaproisi*. No. 210, p. 3.
- Bicilli, P. M. (1933b). Tvorchestvo Bunina [Bunin's Work]. In *Golos*. No. 467, pp. 2–3.
- Bicilli, P. M. (1934a). *Kratkaya istoriya russkoi literatury. Chast' II-aya. Ot Pushkina do nashego vremeni* [A Brief History of Russian Literature. Part II. From Pushkin to Our Time]. Sofiya, Bez izdatel'stva. 99 p.
- Bicilli, P. (1934b). Die „Haus“-Literatur Und Der Ursprung Der Klassischen Literature in Russland. In *Jahrbücher Für Kultur Und Geschichte Der Slaven*. No. 10, pp. 382–420.
- Bicilli, P. M. (1936). K voprosu o karaktere russkogo yazykovogo i literaturnogo razvitiya v Novoe vremya [On the Nature of Russian Linguistic and literary Development in the Modern Age]. In *Godishnik na Sofijskiya universitet. Istoriko-filologicheski fakultet*. No. 32, pp. 3–46.
- Bicilli, P. M. (2012). «Sovremennye zapiski» vse blizhe i blizhe podkhodyat k tomu, chego ya lichno khotel ot nikh [“Contemporary Notes” is Getting Closer and Closer to What I Personally Wanted Them to be]. In Korestev, O., Shrub, M. (Eds.). *“Sovremennye zapiski” (Parizh, 1920–1940). Iz arhiva redaktsii*. Vol. 2. Moscow, NLO, pp. 501–686.
- Bicilli, P. M. (2019). «Domashnyaya» literatura i istoki klassicheskoi literatury v Rossii. Perevod s nemetskogo perevoda Iordana Lyutskanova [“Home” Literature and the Origins of Classical Literature in Russia. Translated from the German Translation by Jordan Lyutskanov]. In *Toronto Slavic Quarterly*. No. 69, pp. 1–35. URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/69/index_69.shtml (mode of access: 31.05.2023).
- Bobchev, N. S. (1933). Nobelevskiyat laureat Iv. Bunin i balgarite [The Nobel Laureate Ivan Bunin and the Bulgarians]. In *Slavyanski glas. Organ na Slavyanskoto blagotvoritelno druzhestvo v Sofiya*. No. 3-4, pp. 151–155.
- Bobchev, N. S. (1934). Nobelevskiyat laureat Iv. Bunin i balgarite [Nobel Laureate Ivan Bunin and the Bulgarians]. In *Mir. Organ na Narodnata partiya*. No. 10067, p. 3.
- Bojcheva, N. (1933). Iv. Bunin [Iv. Bunin]. In *Letopis. Sedmichnik za literatura, izkustvo, film, nauka, radio i obshchestven zhivot*. No. 7, p. 1.
- Bunin, I. A. (1934). Nobelovata premiya. Edna tarzhestvenost, koyato smushchava. In *Zora. Izliza vsyaka sedmica*. No. 4360, p. 2.
- Chilingirov, S. H. (1933). Ivan Alekseevich Bunin v Sofiya [Ivan Alekseevich Bunin in Sofia]. In *Literaturen glas. Sedmichnik za literatura, izkustvo i obshchestveni vaproisi*. No. 210, p. 4.
- D. S. C. (1933). Ivan Bunin. Noviyat laureat na Nobelovata premiya [Ivan Bunin. The New Nobel Prize Winner]. In *Stara planina. Kultura – izkustvo*. No. 3, p. 5.
- Dzivgov, A. (1933a). Znamenitiyat ruski pisatel Iv. Bunin poluchi Nobelova premiya [The Famous Russian Writer Iv. Bunin Received the Nobel Prize]. In *Literaturen glas. Sedmichnik za literatura, izkustvo i obshchestveni vaproisi*. No. 210, p. 1.
- Dzivgov, A. (1933b). Bunin i zapadnaya literatura [Bunin and Western literature]. In *Golos*. No. 467, p. 2.
- Fedorov, A. M. (1933). I. A. Bunin [I. A. Bunin]. In *Golos*. No. 467, p. 2.
- Ivanova, B. Hr. (1934). Iv. Bunin (po F. Stepun) [Ivan. Bunin (by F. Stepun)]. In *Nasha struya. Mesechnik za slavyanska literatura, izkustvo i kulturni vaproisi*. No. 9-10, pp. 151–153.
- Jordanov, K. (1938). *Ruski poeti* [Russian Poets]. Sofiya, Vsemirna literatura. 32 p.
- Lebedev, V. M. (1934a). Poetat Bunin [The Poet Bunin]. In *Nasha struya. Mesechnik za slavyanska literatura, izkustvo i kulturni vaproisi*. No. 9-10, p. 154.
- Lebedev, V. M. (1934b). Ivan Bunin. In *Slovanský přehled*. No. 4-5, p. 105.
- Milev, M. (1934). Iv. Bunin [Ivan Bunin]. In *Zov. Organ na Sayuza na pravoslavnite hristiyanski druzhestva na uchashchata se mladezh v Balgariya*. No. 2, pp. 58–59.
- Nikolov, E. (1935). *Nova ruska literatura. Biblioteka «Literaturni razbori»* [New Russian Literature. Library “Literary Debates”]. Sofiya, Knigoizdatelstvo «Fakel». 156 p.
- Nikolov, M. (1933). Bunin. Po sluchaj nagrazhdavaneto mu s Nobelovata premiya [Bunin. On the Occasion of His Nobel Prize Award]. In *Zlatorog. Mesechno spisanie*. No. 10, pp. 457–459.
- Petkova, G. (2017). «Da se dade rakovodeshcha nishka ...»: Istoriya na ruskata literatura ot prof. P. Bicilli v tri knigi (Balgariya, 1931–1934 g.) [“To Provide a Guiding Thread...”: History of Russian Literature in Three Books by Professor P. Bicilli (Bulgaria, 1931–1934)]. Sofiya, Fakel. 656 p.
- Petkova, G. T. (2019). «Domashnyaya literatura ...» i ee sosedi sredi filologicheskikh trudov P. Bitsilli pervoi poloviny 1930-kh gg. [“Home Literature ...” and Its Neighbours among P. Bicilli's Philological Writings of the First Half of the 1930s.]. In *Toronto Slavic Quarterly*. No. 69, pp. 39–51. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/69/Petkova69.pdf> (mode of access: 19.07.2023).
- Petkova, G. T. (2020). Khronika kul'turnoi i literaturnoi zhizni russkoi emigratsii v Bolgarii (1919–1940) [Chronicle of Cultural and Literary Life of Russian Emigration in Bulgaria (1919–1940)]. In Yuhnovski, I., Kazanski, N., Petkova, G. *Nova kniga za ruskata emigratsiya v Balgariya*. Sofiya, Izdatelstvo na BAN «Prof. Marin Drinov», 2020, pp. 338–443.

“THERE IS SOMETHING IMMUTABLE ... FREEDOM OF THOUGHT AND CONSCIENCE”:
TO THE 90TH ANNIVERSARY OF I. BUNIN'S NOBEL PRIZE

Petkova, G. T. (2022). Obrazttsy russkoi literaturnoi rechi, izdannye v Sofii (1943) [Samples of Russian Literary Speech, Published in Sofia (1943)]. In *Ural'skii filologicheskii vestnik. Russkaya literatura XX–XXI vekov: napravleniya i techeniya*. No. 3, pp. 149–175.

Popruzhenko, M. G., Romanski, S. M. (1943). *Ruska knizhovna rech v obrazci* [Russian Literary Speech in Samples]. Sofiya, Universitetska pechatnica. 626 p.

Rapoport, G. K. (1933a). Geniyat na Bunin [The Genius of Bunin]. In *Literaturen glas. Sedmichnik za literatura, izkustvo i obshchestveni vaprosi*. No. 210, p. 7.

Rapoport, Yu. K. (1933b). Genij Bunina [Bunin's genius]. In *Golos*. No. 467, p. 1.

Rusev, R. (1933). Poeziyata na Ivan Bunin [The Poetry of Ivan Bunin]. In *Literaturen glas. Sedmichnik za literatura, izkustvo i obshchestveni vaprosi*. No. 210, p. 2.

Sv. V. (1933). Iv. Bunin i nie [Ivan Bunin and Us]. In *Pobeda*. No. 167, p. 4.

Simeonov, K. (1933). Noviya laureat na premiyata za literatura [The New Winner of the Prize for Literature]. In *Balgarska nezavisimost. Organ na Nac. liber. partiya obedinena*. No. 321, p. 2.

Slonim, M. L. (1933). Ivan Alekseevich Bunin (Noviyat laureat na Nobelovata literaturna premiya – 1933) [Ivan Alekseyevich Bunin (The New Nobel Prize for Literature – 1933)]. In *Literaturen svyat. (Nov zhenski svyat). Nezavisim vestnik za literatura, informaciya i obshchestven zhivot*. No. 3, p. 1.

Stepun, F. A. (1934). Iv. Bunin [Ivan Bunin]. In *Sovremennye zapiski. Obshchestvenno-politicheskii i literaturnyi zhurnal*. No. 54, pp. 127–211.

Stoyanov, M. (1933a). Bunin i ruskite selyani [Bunin and the Russian Peasants] In *Literaturen glas. Sedmichnik za literatura, izkustvo i obshchestveni vaprosi*. No. 210, p. 5.

Stoyanov, M. (1933b). Bunin i ruskite selyani [Bunin and the Russian Peasants]. In *Pobeda*. No. 167, p. 4.

Todorov, Tzv. (2010). *Zavladyaneto na Amerika. Vaprosat za drugiya* [The Conquest of America: The Question of the Other]. Sofiya, Iztok – Zapad. 323 p.

Volen, I. (1933). Ivan Alekseevich Bunin [Ivan Alekseyevich Bunin]. In *Carkoven vestnik. Sedmichno izdanie*. No. 46, pp. 529–530.

Voloshin, G. F. (1933). Proza, poeziya i vdahnovenie u Bunin [Prose, Poetry and Inspiration in Bunin]. In *Literaturen glas. Sedmichnik za literatura, izkustvo i obshchestveni vaprosi*. No. 210, p. 5.

Zajcev, B. K. (1933) Bunin uvenchan [Bunin is Crowned]. In *Literaturen glas. Sedmichnik za literatura, izkustvo i obshchestveni vaprosi*. No. 210, p. 3.

Данные об авторе

Петкова Галина – доктор филологии, доцент кафедры русской литературы Факультета славянских филологий, Софийский университет «Св. Климент Охридский» (София, Болгария).

Адрес: 1504, Болгария, г. София, бул. «Цар Освободител» № 15.

E-mail: petkova@slav.uni-sofia.bg.

Author's information

Petkova Galina – Doctor of Philology, Associate Professor of Department of Russian Literature, Faculty of Slavic Studies, Sofia University “St. Kliment Ohridski” (Sofia, Bulgaria).

Дата поступления: 31.08.2023; дата публикации: 31.10.2023

Date of receipt: 31.08.2023; date of publication: 31.10.2023